Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Всесоюзная Коммунистическая Партия (больш.).

ПРАВДА

Орган Центрального Комитета и МК ВКП(б)

№ 230 (6836) | 21 августа 1936 г., пятница | ЦЕНА 10 КОП.

Великая партия Ленина—Сталина, великий советский народ железной стеной окружают своего любимого вождя Сталина. Об эту стену разобьются все и всяческие попытки врагов.

Десятки миллионов трудящихся выражают свою горячую любовь и преданность Сталинскому Центральному Комитету и правительству, великому вождю Сталину.

Стереть с лица земли троцкистско-зиновьевскую банду убийц—таков приговор трудового народа!

Могуч и грозен гнев народный

Наша страна знает много прекраснейших праздников, когда весь народ, от мала до велика, отдается радости и веселью. Нет ничего краше наших революционных праздников, ни в одной стране мира не умеют так смеяться и отдыхать, как у нас. Великая пролетарская революция дает народу все, что необходимо для зажиточной и культурной жизни. С каждым годом наша родина становится все более прекрасной, все более любимой и дорогой для каждого гражданина. Творческий труд, увлекательные перспективы — вот постоянный источник нашей радости и вдохновения.

Но наша страна знает и дни всенародного гнева, когда огонь священной ненависти к врагам зажигается в сердцах трудящихся, когда в едином порыве сплачивается весь стасемидесятимиллионный народ вокруг своего великого вождя товарища Сталина и грозной стеной устремляется на врага. Так было в решающую пору гражданской войны, так было в дни керзоновского ультиматума, так было тогда, когда японская военщина уже гремела оружием на наших дальневосточных границах, так было в тот пасмурный декабрьский день 1934 года, когда прозвучал предательский выстрел троцкистско-зиновьевских бандитов в товарища Кирова.

Страшен и могуч гнев советского народа, когда враг касается самого родного, самого близкого, самого дорогого. Сейчас, когда опубликовано обвинительное заключение по делу троцкистско-зиновьевского террористического центра, когда уже в первые дни судебного следствия вскрыта вся чудовищность готовившихся преступлений, весь ужас воровских замыслов врага,— трудно передать, что делается в стране. Вся страна пришла в движение, волны народного гнева несутся со всех сторон к скамье подсудимых, на которой сидит жалкая и презренная кучка выродков и изуверов. Они хотели отнять у нашего народа того, кто вел и ведет нас от победы к победе, того, чья жизнь принадлежит народу. Они хотели убить нашего отца, вождя и учителя — Сталина.

Но ведь:

— Жизнь Сталина — наша жизнь, наше прекрасное настоящее и будущее. Покушение на него — это покушение на весь народ.

— Для нас самое дорогое, самое священное сейчас—любовь к великой родине, любовь к партии, любовь к вам, товарищ Сталин, и готовность отдать свою жизнь за то, чтобы еще могучей расцветала родина социализма, чтобы еще непоколебимей были наши границы.

— Ваша жизнь, товарищ Сталин,— это самое драгоценное для всей страны. И за эту жизнь, за вас, товарищ Сталин, мы готовы горло перегрызть любому террористу.

— Нет меры нашей ненависти к врагам. Нет меры нашей любви, нашей преданности партии, Сталину.

— Они направляли дуло револьвера в прекрасное, чуткое сердце партии, они хотели убить того, кто ведет многонациональный Советский Союз к подлинному человеческому счастью.

Телеграф ежечасно приносит тысячи таких взволнованных строк. Это пишут рабочие Кировского, Сталинградского, Магнитогорского, Горьковского, Краматорского заводов, рабочие «Шарикоподшипника», «Серпа и молота», уральских заводов, шахтеры Донбасса, Кузбасса, железнодорожники, моряки, красноармейцы, колхозники всех районов, учителя, агрономы, врачи, профессора, академики.

Проклятие убийцам шлют русские, украинцы, белорусы, грузины, узбеки, туркмены, таджики — трудящиеся всех национальностей со всех концов Союза.

Народные массы, охваченные грозным гневом, единодушно требуют:

— Раздавить гадину! Расстрелять участников троцкистско-зиновьевской террористической шайки!

Это—голос всего народа, это—единодушное требование миллионов трудящихся!

Чувство омерзения охватывает каждого, кто узнает о преступлении троцкистско-зиновьевской своры. Рождается непреодолимое желание растоптать эту мразь. Когда человек встречает на своем пути ядовитую змею, он без малейших колебаний ее уничтожает, потому что змея может ужалить неожиданно, исподтишка. Такое же стремление испытывают советские граждане и в этом случае, потому что фашистские наемники и их вдохновители Троцкий, Зиновьев, Каменев хуже всякой ядовитой твари,—это бандиты, не знающие ни чести, ни совести, у которых, кроме дикой злобы, за душой нет ничего.

Вчера Каменев цинично поведал суду о том пути, который прошла троцкистско-зиновьевская группа. Во время их открытых выступлений против партии и ее руководства попытки опереться на массы потерпели крах. Потеряны были надежды и на раскол в руководстве партии. Они в конце-концов не могли не видеть того, что партия под руководством товарища Сталина победно осуществила индустриализацию и коллективизацию страны и что уже не приходится ожидать экономической катастрофы. Страна, как это им ни было неприятно, уверенно шла вперед.

Какой же вывод сделала из всего этого троцкистско-зиновьевская шайка?.. Взяться за револьвер.

Зиновьев и Каменев признали вчера, что они начали борьбу с руководством партии, не имея ни базы, ни знамени, ни лозунгов. Жажда власти — вот что лежало в основе их преступной террористической деятельности. По признанию Зиновьева и Каменева, террор против руководителей партии и правительства стал единственным способом осуществления их замыслов.

Иначе и не могло быть. Группа, не имеющая никаких корней в массах, глубоко чуждая трудовому народу, не могла рассчитывать ни на что, кроме как на фашистский револьвер. Попробовали бы они сунуться со своими замыслами на любой завод или в любой колхоз. Их бы там растерзали в клочья, развеяли впрах. Приходилось, следовательно, полагаться только на одиночек-террористов, как своих, так и присланных из-за границы Иудушкой-Троцким, при содействии фашистского Гестапо.

На вопрос прокурора, откуда появилась такая злоба у Зиновьева, Каменева и их приспешников, Каменев вчера на суде ответил, что их злоба вызывалась успехами социализма.

Значит, они хотели убить Сталина, убить Ворошилова, Кагановича, Орджоникидзе, Жданова, Косиора, Постышева только за то, что наш народ стал жить счастливо и зажиточно. За то, что воздвигнуто и заканчивается отделкой величественное здание социализма. Душимые злобой, они, мечтая убить Сталина, мечтали убить счастье и радость народа.

Вот почему нет пределов народному гневу, вот почему так бушует советский народ, посылая проклятья подлым убийцам и требуя их уничтожения. Счастье народов Союза, счастье наших детей вверено великому Сталину, и всякая попытка поднять меч на товарища Сталина будет отбита всей силой многомиллионного народа.

Факт за фактом разоблачает суд систему чудовищной провокации, насаждавшейся Троцким, Зиновьевым и Каменевым. — Мы оставались филиалом троцкизма в СССР, — заявил вчера Зиновьев на суде. Отсюда и все качества. Грани между троцкистами и так называемыми зиновьевцами были давно стерты. В ход была пущена азефовщина, умноженная во сто крат, ложь и провокация — постоянное оружие троцкизма.

Каков моральный облик этих людей, видно из следующего факта, оглашенного на суде Зиновьевым. Когда по прямому заданию Зиновьева и его компании в Ленинграде был убит Сергей Миронович Киров, то Зиновьев на следующий же день поспешил в «Правду» с некрологом, в котором изливал крокодиловы слезы по поводу этой смерти. Конечно, этот некролог редакцией «Правды» не был напечатан. Приходится только поражаться, до какой гнусности дошли эти люди, перещеголявшие любого уголовного преступника. Бандит, убивший свою жертву, стыдливо уходит от места преступления и гонит прочь воспоминания о содеянном. Фашистские троцкистско-зиновьевские бандиты стараются использовать в своих интересах ими пролитую кровь великого пролетарского бойца.

Троцкий, Зиновьев, Каменев и их банда убийц изобличены до конца. Народ требует уничтожения подлых террористов. Расстрелять всю шайку злодеев—таков приговор народа.

Вчера общее собрание рабочих Тормозного завода имени Л. М. Кагановича (Москва) заслушало сообщение о контрреволюционной, террористической деятельности троцкистско-зиновьевской банды. На снимке: мастер-формовщик Б. М. Кнубавец выступает на собрании. Фото С. Корнушова.

Товарищу Сталину

Письмо рабочих Тбилисского (Тифлисского) имени Сталина паровозоремонтного завода

Дорогой и любимый наш вождь и друг товарищ Сталин!

В эти дни, когда весь великий народ нашей страны выражает великий гнев к ничтожной кучке трижды проклятых и презренных убийц, предателей, провокаторов— к троцкистско-зиновьевской банде,—мы, рабочие паровозоремонтного завода, носящего твое славное имя, хотим обратиться к тебе, нашему гениальному вождю, отцу и учителю. Мы хотим сказать тебе слова, идущие от самого сердца. Мы хотим сказать тебе слова, которые трудно сдержать, ибо беспредельна наша рабочая ярость к фашистским наемникам, ибо нерушима наша преданность партии Ленина—Сталина, ибо безгранична наша любовь к руководителям партии и правительства, к тебе— верному и непоколебимому ленинцу, кузнецу нашего счастья.

С радостью и ликованием читаем и обсуждаем мы вместе со всеми трудящимися страны Советов золотые строки новой Конституции. Твоим сталинским гением озарены страницы этого величайшего документа человечества. Твоя неустанная забота о счастье народов Советского Союза вложена в каждое слово новой Конституции.

И в эти дни, когда имя твое не сходит с уст рабочих и колхозников, профессоров и красноармейцев, стариков, детей и матерей,— всего народа, когда имя твое горит путеводной звездой побед социализма, когда имя твое поднято миллионами, как боевое знамя, под которым готовы биться эти миллионы за торжество коммунизма,— в эти дни мы узнаем о подлейшем заговоре врагов, о неслыханном злодеянии, которое затевала троцкистско-зиновьевская банда, трижды проклятые гады, потерявшие человеческий облик. Их грязные лапы уже обагрены кровью лучшего сына партии, незабвенного Сергея Мироновича Кирова. Но им, пресмыкающимся подонкам фашизма, этого мало. Они пытались поднять руку против тебя, великий, дорогой Иосиф Виссарионович, против тебя, отдававшего и отдающего свою прекраснейшую жизнь за идеи Маркса — Ленина, за дело рабочего класса, за коммунизм.

Но эти заклятые враги жестоко просчитались. Они забыли, что есть непобедимая сила нашей страны—рабочий класс, который живой неприступной стеной окружает драгоценные жизни своих вождей, своего отца и учителя — Сталина. Есть железная партия, выпестованная гениальным Лениным и тобой, великий Сталин, которая бережет, как зеницу ока, единство и монолитность своих рядов, которая стоит в авангарде своего класса, которая отдаст всю свою кровь, каплю за каплей, за своих руководителей. Есть славные ученики первого чекиста советской страны Феликса Дзержинского, которые несут ответственнейшую вахту на нашем победоносном корабле, имя которому «СССР».

Ты всегда напоминаешь нам, дорогой вождь, о неусыпной бдительности, о зоркости к нашим врагам. Мы клянемся тебе, товарищ Сталин, что под руководством твоего верного ученика тов. Лаврентия Берия мы будем воспитывать в себе еще большую неотступательную сталинскую бдительность на всех участках работы.

К многомиллионному зычному голосу трудящихся страны Советов мы присоединяем свое слово:

— Раздавить гадов!

— Никакой пощады злейшим, подлым врагам народа!

— Да здравствует наше непобедимое дело — дело Ленина — Сталина!

— Да здравствует наш великий, мудрый, любимый вождь Сталин!

(Письмо единогласно принято на собраниях рабочих паровозоремонтного завода 20 августа 1936 года).

Казаки-колхозники требуют расстрела убийц

Письмо казаков-колхозников станиц Шкуринской и Канеловской (Кубань) товарищу СТАЛИНУ

Дорогой Иосиф Виссарионович!

По всей необ'ятной стране Советов стоит гул негодования и возмущения против подлых террористов из лагеря троцкистско-зиновьевской банды, пытающихся своими грязными руками, обагренными кровью незабвенного Сергея Мироновича Кирова, вырвать из наших рядов вождей и руководителей партии и правительства и пытающихся посягнуть на Вашу жизнь.

Мы, колхозники-казаки Кубани, присоединяем свой голос возмущения к голосу трудящихся всей страны, к голосу всех народов великого Союза. Троцкистская гадина должна быть раздавлена, уничтожена!

Ваше имя, товарищ Сталин, самое священное, самое дорогое, самое любимое имя у нас на Кубани. Ведь все, что ни делалось на Кубани, связано с Вашим именем.

Тысячи лучших, закаленных, испытанных в боях большевиков были по Вашей инициативе присланы на Кубань в политотделы для руководства колхозами. Тогда же по Вашим указаниям в колхозы Кубани были брошены новые тракторы и комбайны, перевернувшие всю технику сельского хозяйства.

Кубань поднялась. Кубань расцветает.

Посмотрите только на станицы Шкуринскую и Канеловскую, Штейнгардтского района. Еще не так давно мы не могли прожить без того, чтобы не получить от государства ссуду. А вот результаты последнего года. За один только год мы удвоили урожайность по всем колосовым культурам. В условиях неблагоприятного лета, при отсутствии дождей, мы в текущем году собрали урожай в 14,1 центнера с каждого гектара против 7,2 центнера в прошлом году. Все колхозы полностью и досрочно рассчитались с государством: выполнили план государственных поставок, внесли натуральную оплату, погасили целиком все прошлогодние ссуды.

Колхозы района сдали государству 1.300 тысяч пудов хлеба. После этого у колхозов осталось 2 миллиона пудов зерна. Полны колхозные амбары. Зерна столько, что ссыпать некуда. Но мы еще не убрали кукурузу, подсолнух, клещевину. По всем этим культурам мы будем снимать утроенный против прошлого года урожай.

Каждый колхозник получит столько хлеба, сколько он еще ни в один год не получал, сколько он не имел в самые урожайные годы при единоличном хозяйстве. Гордость нашего района—орденоносная трактористка Паша Ковардак получит на трудодни, выработанные ею лично, два вагона хлеба, из них полтора полновесной пшеницы. Знатный комбайнер страны Костя Борин зарабатывает в этом году за уборочный сезон 10.000 рублей. Рядовой колхозник артели «Красная победа» Николай Радыга вместе со своей семьей получит 800 пудов, колхозник другой артели — «Красная заря» тов. Ирихин—до семисот пудов. Пусть нам еще назовут такую страну, где бы крестьяне имели такие доходы и заработки. Другой такой страны нет во всем мире!

Мы не говорим о том, что на каждом колхозном дворе стало больше скотины. Нет такого двора, где бы не было коровы, теленка, нескольких свиней и поросят, а домашней птицы так и счету нет. Верите ли, птицы так много, что по улицам проехать нельзя.

И люди как будто стали другими. Ваша забота о живом человеке, Ваше чуткое внимание к каждому и большому и маленькому работнику, пожалуй, дали наибольшую жатву.

Зимой семь колхозников нашего района: председатель колхоза «Животновод» тов. Швыдков, председатель колхоза «Социалистическое земледелие» тов. Золотухина, бригадир колхоза «Красная заря» тов. Иванской, комбайнер Костя Борин, трактористка Паша Ковардак, доярка Маруся Кондратенко, телятница Катя Кабан, награждены орденами Союза.

Как же после всего этого не заявить, что Кубань не только залечила раны, не только поднялась, но и вступила в полосу расцвета. И как после этих побед мы можем отнестись к гнусным замыслам подлой шайки убийц, подымающих руку на наших вождей, к той клевете, которую распространяет о наших колхозах за границей презренный враг Л. Троцкий.

Прочь с нашей счастливой дороги! Расстрелять врагов! Очистим советскую землю от троцкистско-зиновьевской мрази! Пусть они больше не распространяют зловония на нашей цветущей родине!

В заключение нашего письма мы, Иосиф Виссарионович, заверяем Вас, что колхозники-казаки Кубани полны твердой решимости бороться под Вашим руководством за полное торжество дела партии Ленина—Сталина, за торжество коммунизма. Никакие силы не свернут с этого пути!

Привет Вам, дорогой Иосиф Виссарионович, и наши самые лучшие пожелания.

Здравствуйте многие, многие годы.

(Письмо обсуждено и единогласно одобрено на собраниях во всех колхозах. Под письмом 5.000 подписей).

Сталинскому Центральному Комитету ВКП(б)

Письмо рабочих и служащих завода № 1 имени Авиахима

В дни, когда мы читаем и обсуждаем обвинительное заключение по делу контрреволюционной троцкистско-зиновьевской банды, наши сердца преисполнены гневом и презрением к предателям родины и бесконечной преданностью и любовью к сталинскому Центральному Комитету и великому Сталину.

Троцкий, Зиновьев, Каменев и другие бандиты в союзе с фашистской охранкой готовили террористические акты против сталинского Центрального Комитета, против любимого вождя народов советской страны и трудящихся всего мира. Подлые убийцы, чьи руки обагрены кровью незабвенного Сергея Мироновича Кирова, направляли дуло револьвера в сердце трудящихся, они хотели убить вождей партии и советской страны.

Среди бурь и гроз международной и внутренней контрреволюции коллективный руководитель нашей родины — сталинский Центральный Комитет добился невиданных побед и обеспечил трудящимся Советского Союза подлинно счастливую жизнь.

Рабочий, колхозник, служащий, инженер, работник науки и искусства—каждый чувствует и понимает, что сильной и могучей стала наша страна потому, что во главе ее стоит сталинский Центральный Комитет, во главе ее стоит товарищ Сталин.

Жалкие предатели просчитались, они одиноки, они изолированы. Мы требуем от советского суда суровой кары против изменников родины. Подлая банда должна быть беспощадно уничтожена, расстреляна.

Безгранична наша преданность социалистической родине, партии Ленина—Сталина, ее Центральному Комитету. Мы готовы своей грудью заслонить сталинский Центральный Комитет от негодяев-террористов. Нет в мире другой партии, которую бы окружала такая любовь миллионных трудовых масс, как партия большевиков.

Мы обещаем нашему ЦК ВКП(б) и товарищу Сталину еще выше поднять пролетарскую бдительность. Мы об'явим решительную борьбу недисциплинированности, расхлябанности, ротозейству, помогающим врагу творить преступное дело. Мы знаем, что нашим долгом является—хранить вождей, как зеницу ока, острым взглядом выявлять и разоблачать всякую контрреволюционную нечисть.

Да здравствует могучая партия Ленина—Сталина!

Да здравствует сталинский Центральный Комитет!

Да здравствует наш Сталин!

(Принято на кустовых, цеховых собраниях завода № 1 имени Авиахима).

НЕТ ПОЩАДЫ ФАШИСТСКОЙ СВОРЕ

Резолюция рабочих, инженеров, служащих завода «Шарикоподшипник» им. Кагановича, Москва

Мы, рабочие, работницы, инженерно-технические работники и служащие 1-го Государственного подшипникового завода имени тов. Л. М. Кагановича, ознакомившись с обвинительным заключением по делу разбойничьей троцкистско-зиновьевской банды, полны гнева и презрения к предателям-террористам, убийцам нашего незабвенного Сергея Мироновича Кирова, готовившим убийства великих вождей советского народа.

Потерявшие человеческий облик мерзавцы, продажные твари фашистской охранки, Троцкий, Зиновьев и Каменев и вся их волчья стая полны животной ненависти к стране социализма, к нашей большевистской партии, к вождю миллионов родному Сталину.

Побившие все рекорды лжи и лицемерия, прожженные двурушники Зиновьев, Каменев, Мрачковский, Смирнов И. Н. и их соратники — заплечных дел мастера, во главе с Троцким, не брезгали ничем и никем для осуществления своих грязных, подлых замыслов. Какое счастье, что благодаря бдительности органов охраны нашего государства удалось своевременно разоблачить бандитское нутро и деяния всей этой шайки.

Пусть знает это гнусное отродье, что жизнь великого Сталина, жизнь вождей нашей партии охраняется миллионами. Как один человек, сплочены народы Советского Союза вокруг товарища Сталина. До конца преданы мы нашему дорогому Иосифу Виссарионовичу — величайшему человеку нашей эпохи, верному и непоколебимому продолжателю дела Ленина, уверенно ведущему нашу страну к вершинам коммунизма.

Фашистская свора троцкистов-зиновьевцев поймана с поличным. Их руки в крови товарища Кирова. Мощным голосом мы требуем:

— Раздавить гадину. Расстрелять этих бешеных собак — изменников и предателей родины. С корнем вырвем фашистскую язву из родной советской земли.

(Принята цеховыми собраниями, на которых присутствовало 10.000 чел.).

О сроке созыва и порядке дня XVII чрезвычайного Всероссийского С'езда Советов

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПРЕЗИДИУМА ВСЕРОССИЙСКОГО ЦЕНТРАЛЬНОГО ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА

Президиум Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета постановляет:

1. Созвать XVII чрезвычайный Всероссийский С'езд Советов 29 ноября 1936 года, в городе Москве.

2. Порядок дня:

Утверждение Конституции РСФСР.

Председатель Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета М. КАЛИНИН.

Секретарь Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета А. КИСЕЛЕВ.

Москва, Кремль, 20 августа 1936 г.

ВТОРАЯ ПОБЕДА СОВЕТСКИХ ФУТБОЛИСТОВ В ЧЕХОСЛОВАКИИ

Вчера днем на лучшем стадионе города Кладно в Чехословакии состоялась футбольная встреча между московской командой спортивного общества «Динамо» и сборной рабочей командой Кладно. Встречу выиграли динамовцы со счетом 8 : 1.

Вчера же днем советские теннисисты должны были встретиться с лучшими теннисистами Чехословакии. Но встреча эта не состоялась из-за дождя.

Теннисные соревнования перенесены на 22 и 23 августа.

ПРОЦЕСС ТРОЦКИСТСКО-ЗИНОВЬЕВСКОГО ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО ЦЕНТРА

Вечернее заседание 19 августа

ДОПРОС ПОДСУДИМОГО ДРЕЙЦЕРА

Первым в вечернем заседании 19 августа допрашивается подсудимый Дрейцер.

Дрейцер является одним из виднейших троцкистов. Был начальником личной охраны Троцкого. Вместе с Троцким организовал контрреволюционную демонстрацию 7 ноября 1927 года. Когда Троцкий находился в ссылке в Алма-Ате, Дрейцер организовал связь между Троцким и московским троцкистским центром.

Подсудимый Дрейцер показывает, что троцкистско-зиновьевское подполье было строго централизованной и дисциплинированной контрреволюционной организацией. Дрейцер категорически и решительно отрицает всякую возможность какой бы то ни было половинчатости в отношении к террористической деятельности со стороны кого бы то ни было из участников троцкистско-зиновьевского контрреволюционного блока.

«Никакой отсебятины, никакого перемиганса у нас быть не могло, — заявляет Дрейцер. — Я удивляюсь утверждениям И. Н. Смирнова, который, по его словам, знал и не знал, говорил и не говорил, делал и не делал. Не верно это!»

Подробно рассказывая о своей террористической деятельности, Дрейцер заявляет, что директивы о терроре против руководителей партии и правительства троцкистская часть контрреволюционного блока получала из-за границы от Л. Д. Троцкого, а здесь — от его заместителя в СССР — И. Н. Смирнова.

Осенью 1931 года Дрейцер использовал служебную командировку в Берлин, чтобы по поручению И. Н. Смирнова установить связь с Троцким.

Конкретное задание Смирнова заключалось в том, чтобы выяснить отношение Троцкого к вопросу о блоке троцкистов с зиновьевцами. В Берлине он два раза встречался в кафе на Лейпцигерштрассе с Седовым (сыном Троцкого). Седов сказал ему тогда, что директивы Троцкого будут присланы позднее.

В октябре 1934 года сестра Дрейцера привезла ему из Варшавы немецкий кинематографический журнал, переданный ей для Дрейцера агентом Седова. В журнале Дрейцер легко обнаружил — так как еще в Берлине условился с Седовым о таком способе связи — написанное химическими чернилами собственноручное письмо Троцкого, заключавшее в себе директиву немедленно подготовить и осуществить террористические акты против Сталина и Ворошилова. Письмо это Дрейцер немедленно переслал Мрачковскому, который, ознакомившись с письмом, из соображений конспирации его сжег.

О необходимости взять курс на террористические методы борьбы говорил Дрейцеру еще в сентябре—октябре 1931 года в СССР И. Н. Смирнов. А осенью 1932 года Дрейцер получил от И. Н. Смирнова на квартире последнего прямую директиву об организации террористических актов против Сталина и Ворошилова. Смирнов, ссылаясь на установки Троцкого, тут же предложил Дрейцеру связаться, в целях практической подготовки и осуществления террористических актов, с Мрачковским. «Следующее мое свидание с Иваном Никитичем Смирновым, — заявляет Дрейцер, — состоялось в 1932 году. Это было осенью. На этом свидании он сообщил, что вопрос о блоке разрешен, что блок уже состоялся и что он состоялся на базе террористических установок Троцкого».

Весной 1933 года Мрачковский повторил Дрейцеру указания троцкистско-зиновьевского центра о форсированном проведении террора против руководства ВКП(б) и советского правительства. Более того, Мрачковский, уезжая из Москвы, передал в распоряжение Дрейцера подготовленные им кадры террористов. Кроме Смирнова и Мрачковского, Дрейцер был теснейшим образом связан с Рейнгольдом и Пикелем, с которыми вместе входил в Московский террористический центр троцкистско-зиновьевского блока.

Выполняя директивы Л. Д. Троцкого и троцкистско-зиновьевского террористического центра, переданные ему Смирновым и Мрачковским, Дрейцер организовал две террористические группы: группу Гаевского, которой было поручено осуществление террористического акта против товарища Сталина, и группу Эстермана, которой было поручено убить тов. Ворошилова.

В связи с показаниями Дрейцера прокурор задает вопросы Мрачковскому и И. Н. Смирнову.

Мрачковский целиком и полностью подтверждает показания Дрейцера.

Смирнов, продолжая свою тактику запирательства, пытается запутать следствие. Он говорит, что действительно принимал у себя на квартире Дрейцера, как активного троцкиста, но вел с ним якобы разговоры не о терроре, а об «общем положении в стране».

Возмущенные запирательством своего руководителя, сообщника и вдохновителя, Мрачковский и Дрейцер заявляют:

«Смирнов врет!»

После окончания допроса Дрейцера тов. Вышинский задает несколько вопросов подсудимому Зиновьеву.

Вышинский: Обвиняемый Зиновьев, летом 1932 года у вас уже была договоренность о необходимости организовать террористические акты или шла только речь об этих террористических актах?

Зиновьев: Насколько я себе представляю, дело было так: у троцкистов это было уже созревшее решение, опиравшееся на совершенно точную и довольно давнюю директиву Троцкого, и с их стороны был предпринят целый ряд практических шагов.

Вышинский: Как себя вела по отношению к террору троцкистская часть вашего блока?

Зиновьев: В наших переговорах о создании об'единенного центра этот вопрос играл решающую роль. Так называемая зиновьевская часть блока к этому времени вполне созрела для таких решений.

Вышинский: В этом отношении Смирнов проявлял какую-нибудь активность или нет?

Зиновьев: Смирнов, по-моему, больше чем кто-либо проявлял активность и рассматривался нами, как бесспорный глава троцкистской части блока, как человек, наиболее осведомленный о настроениях Троцкого и целиком их разделяющий.

Вышинский: И вы лично от Смирнова слышали ряд предложений?

Зиновьев: Я лично вел с ним переговоры 2—3 раза.

Вышинский: И во время этих переговоров Смирнов проявлял ли напористость, нажимал ли на террористические акты?

Зиновьев: Как я уже говорил, горячо и убедительно настаивал на свершении террористических актов, хотя убеждать нас не надо было, мы были убеждены.

Вышинский: Я прошу суд обратить внимание на то, что показаниями Зиновьева, Рейнгольда и Дрейцера устанавливается, что после 1932 г. шла практическая подготовка к террористическим актам, при чем Дрейцер это осуществлял по непосредственным указаниям Смирнова, а Смирнов настаивал перед Зиновьевым о переходе к террористической деятельности. Я прошу на это обратить внимание, как на вывод из того следствия, которое мы до сих пор провели.

ДОПРОС ПОДСУДИМОГО РЕЙНГОЛЬДА

Суд переходит к допросу подсудимого Рейнгольда.

Рейнгольд И. И. — один из активнейших участников зиновьевской подпольной контрреволюционной организации, все время непосредственно связанный с Зиновьевым Г. Е. и Каменевым Л. Б., участник всех подпольных совещаний зиновьевцев, привлекался в свое время Зиновьевым и Каменевым к выработке платформы возглавлявшейся ими контрреволюционной организации, член московского троцкистско-зиновьевского центра, организатор террористических групп, лично руководил одной из групп, подготовлявшей убийство товарища Сталина.

— Я, — говорит Рейнгольд, — был связан организационно и лично с рядом членов троцкистско-зиновьевского центра: Зиновьевым, Каменевым, Сокольниковым и другими. С некоторыми из них еще задолго до 1926 г. В частности, с Каменевым я знаком с 1923 г., а с Сокольниковым с 1919 г. Что касается троцкистской части этого центра, то Дрейцер был моим личным другом, с Мрачковским я был очень тесно связан по служебной линии, поскольку Мрачковский работал у меня в Главхлопкоме. И. Н. Смирнова я также хорошо знал. Был я тесно связан и с Зиновьевым. Могу подтвердить, — продолжает Рейнгольд, — что в состав троцкистско-зиновьевского центра входили: Зиновьев, Каменев, Бакаев, Евдокимов, Смирнов, Мрачковский, Тер-Ваганян и Сокольников. Велись переговоры о совместной деятельности с «леваками» — Шацкиным, Ломинадзе, Стэном, а также с представителями правого уклона: Рыковым, Бухариным и Томским. Мысль об об'единении зиновьевцев с троцкистами, — говорит Рейнгольд, — была еще в 1931 году. Встречаясь с Зиновьевым на его квартире и на даче в этом году, я слышал от него заявление, что зря мы, мол, разошлись с Троцким. Рейнгольд показывает, что, говоря об общеполитическом положении, Зиновьев подчеркивал, что хозяйственное положение Советского Союза укрепилось, и говорить о крахе никоим образом не приходится. Необходимо об'единить все оппозиционные теперешнему руководству силы. Так подготовлялся блок с троцкистами. При чем основой об'единения троцкистов с зиновьевцами, — подчеркивает Рейнгольд, — был террор.

Вышинский: Как увязывалась у Зиновьева и Каменева террористическая деятельность с марксизмом?

Рейнгольд: У Каменева в 1932 году в присутствии ряда членов об'единенного троцкистско-зиновьевского центра Зиновьев обосновал необходимость применения террора тем, что хотя террор и не совместим с марксизмом, но в данный момент это надо отбросить. Других методов борьбы с руководством партии и правительства в данное время нет. Сталин об'единяет всю силу и твердость теперешнего партийного руководства. Поэтому в первую голову надо убрать Сталина. Каменев развивал ту же теорию, говоря, что прежние методы борьбы, а именно: завоевание масс, верхушечные комбинации с правыми, ставка на хозяйственные трудности — провалились. Поэтому единственным методом борьбы являются террористические действия против Сталина и его ближайших соратников — Кирова, Ворошилова, Кагановича, Орджоникидзе, Постышева, Косиора и других.

«Для этой цели, — продолжает Рейнгольд, — было решено создать организацию из наиболее отобранных решительных людей, которая могла бы эту задачу довести до конца. Одновременно с этим имели место переговоры с руководителями правых — Бухариным и Томским. Зиновьев после этих переговоров прямо сказал, что он нашел общий политический язык с Томским в оценке политики нашей страны. Эти разговоры продолжались и в 1932 году, их вел Каменев с Томским и Рыковым. Связь с Бухариным поддерживалась через Карева — активного зиновьевца, который был тесно связан с двумя террористическими группами Слепкова и Эйсмонта».

Далее Рейнгольд переходит к своей личной контрреволюционной деятельности, которая заключалась в организации террористических групп для совершения убийства тов. Сталина и других руководителей партии и правительства. Рейнгольд перечисляет ряд таких групп, которыми руководил Бакаев.

В нашей террористической деятельности, продолжает Рейнгольд, между осенью 1932 года и летом 1933 года был перерыв, вызванный провалом Зиновьева и Каменева в связи с делом Рютина. В связи с этим на одном из совещаний на квартире у бывшего личного секретаря Зиновьева Богдана, в начале 1933 года, Евдокимов от имени об'единенного центра передал директиву: свернуть террористическую работу до тех пор, пока Зиновьев и Каменев не вернутся из ссылки, до тех пор, пока они не покаются и не будут восстановлены в партии, не будут облечены некоторым доверием.

Вышинский: Это говорил Евдокимов?

Рейнгольд: Об этом говорил Евдокимов.

Вышинский: Евдокимов знал, что Зиновьев и Каменев должны покаяться?

Рейнгольд: Знал. Он знал, что это лежит в природе зиновьевской организации, которая имела в прошлом, до этого немалый опыт такого рода покаяний.

Дальше Рейнгольд рассказывает суду о том чудовищном двурушничестве, которое возвели в систему Зиновьев и Каменев. Зиновьев и Каменев, говорит Рейнгольд, настаивали на том, чтобы всячески использовать все легальные возможности для того, чтобы «вползти на брюхе в партию», — это любимое выражение Зиновьева, — и завоевать доверие партии, в частности Сталина. После того, как это доверие будет восстановлено, должна была вестись параллельно глубоко законспирированная террористическая работа. В сочетании этих двух методов и заключался тот способ, который, как рассчитывали Зиновьев и Каменев, мог бы привести их к власти. В случае успеха террористических планов, продолжает Рейнгольд, Зиновьев и Каменев, как восстановленные в партии при Сталине, прощенные им, думали «естественным» путем вернуться к власти.

Вышинский: Я вас так понимаю, что и Каменев и Зиновьев шли по двум линиям: с одной стороны, они старались всячески доказать свою лояльность, преданность партии, с другой стороны, они именно готовили террористические акты против руководителей партии. Так?

Рейнгольд: Да.

Вышинский: Обвиняемый Зиновьев, это показание Рейнгольда вас уличает в тяжелом преступлении. Вы признаете себя виновным?

Зиновьев: Да.

Вышинский: Обвиняемому Каменеву я задаю тот же вопрос.

Каменев: Я отвечаю положительно.

Тов. Вышинский напоминает Каменеву, что он это признал только после показаний Рейнгольда, на предварительном следствии он этого не говорил, пока не был уличен другими. На ряд вопросов тов. Вышинского Каменев признает, что чудовищный план захвата власти на основе двурушничества и террора существовал.

Вышинский. Вы, следовательно, подтверждаете, что такой чудовищный план у вас существовал?

Каменев: Да, этот чудовищный план существовал.

Вышинский: Вы разработали этот чудовищный план и сейчас это подтверждаете?

Каменев: Да, подтверждаю.

При дальнейшем опросе Рейнгольда выясняется, что Рейнгольд получал от Каменева и Зиновьева ряд ответственных заданий, в частности задание — создать за границей специальный фонд финансирования террористической организации, на случай высылки Каменева и Зиновьева за границу.

Вышинский: Обвиняемый Каменев, был такой разговор?

Каменев: Это было в 1929 году, когда я и Зиновьев предполагали, что мы можем быть высланы за границу, как и Троцкий, а поэтому считали необходимым создать за границей некоторый фонд для поддержки и продолжения той работы, которую мы вели здесь.

Вышинский: Из каких средств вы думали создать этот фонд?

Каменев: У нас были намечены средства.

Вышинский: Вы обращались за помощью к Рейнгольду?

Каменев: Не за помощью, а просто с поручением к Рейнгольду и Аркусу о создании этого фонда. Рейнгольд и Аркус были финработниками, которыми руководил Сокольников.

Вышинский: Этот фонд вы предполагали организовать за счет государства?

Каменев: Во всяком случае не из личных средств Рейнгольда.

Вышинский: Вернее говоря, вы хотели обокрасть государство.

Обвиняемый Рейнгольд, отвечая на вопрос тов. Вышинского, как ставился в троцкистско-зиновьевском центре вопрос о сокрытии следов террористических преступлений, сообщает, что троцкистско-зиновьевский центр, в случае своего прихода к власти, имел в виду уничтожить всех тех работников ГПУ, которые, по его предположению, могли иметь в своих руках нити подготовлявшегося «государственного террористического заговора», и всех прямо и непосредственно причастных к террору своих сторонников.

«Предполагалось и Зиновьевым и Каменевым (об этом они делились со мною), — показывает Рейнгольд, — что Бакаев должен будет на другой после переворота, после захвата власти, стать во главе ГПУ в качестве председателя ГПУ. Опираясь на аппарат ГПУ, он должен был помочь скрыть следы, должен был уничтожить, убить не только тех сотрудников и работников НКВД — ГПУ, которые могли бы иметь кое-какие нити заговора, но и всех непосредственных исполнителей террористических актов против Сталина и его ближайших помощников. Своих активистов, своих террористов-боевиков, которые были замешаны в этом деле, должна была уничтожить троцкистско-зиновьевская организация руками Бакаева».

Предполагалось также, продолжает свои показания Рейнгольд, после захвата власти вызвать из-за границы Троцкого и, опираясь на Троцкого, убрать с партийных и советских постов всех лиц, наиболее преданных Сталину, и таким образом полностью захватить в свои руки власть в стране.

Из об'яснений Рейнгольда, а также вопросов тов. Вышинского Бакаеву и Зиновьеву выясняется роль Бакаева, как организатора террористических групп, в которые подбирали особо «надежных» людей.

Из таких «надежных» людей называют: бывшего секретаря Зиновьева — Богдана; активных зиновьевцев Радина и Файвиловича и расстрелянных по делу об убийстве Кирова всем известных террористов Румянцева и Котолынова.

Вышинский (обращаясь к Бакаеву): У Богдана какие-либо поручения были?

Бакаев: Да.

Вышинский: От кого?

Бакаев: От Зиновьева. По поручению Зиновьева Богдан должен был стрелять в Сталина в секретариате ЦК.

Вышинский: Обвиняемый Зиновьев, вы слышали показания Бакаева?

Зиновьев: Правильно то, что я рекомендовал Бакаеву привлечь Богдана для покушений, в том числе и на Сталина.

Бакаев в этой связи показывает: «Я, по предложению Зиновьева, после того, как мне было поручено организовать убийство, зашел на следующий день к нему. Встретил там Рейнгольда и Богдана. Зиновьев, здороваясь, сказал мне: «Вот боевик для вашей группы, затем Рейнгольд рекомендует еще Файвиловича, я тоже его знаю с хорошей стороны».

Вышинский: Что это значит «с хорошей стороны»?

Бакаев: Абсолютно надежный человек.

Вышинский: Для выполнения террористических актов?

Бакаев: Да.

ДОПРОС ПОДСУДИМОГО БАКАЕВА

После Рейнгольда давал показания весьма близкий к Зиновьеву и Каменеву активнейший террорист — Бакаев. Бакаев — непосредственный организатор террористических актов против товарища Сталина и товарища Кирова; отвечая на вопросы тов. Вышинского, он показывает суду о том, как происходила подготовка этих террористических актов. Особенно форсированная террористическая деятельность велась в августе 1932 года и осенью 1934 года. Бакаев называет имена участников подготовки террористических актов. Участники эти — Рейнгольд, Пикель, Файвилович, Радин и др.

Бакаев показывает суду, как старались прятать концы в воду террористы из троцкистско-зиновьевского центра, как стремились они сохранить свою конспирацию. Осенью 1932 года Зиновьев и Каменев были исключены из партии. Встал вопрос, как быть дальше. Тогда состоялась встреча Бакаева с Зиновьевым, Евдокимовым, Куклиным, Шаровым, Дрейцером и другими, и было решено временно приостановить террористическую деятельность. Осенью 1934 года она возобновилась.

Бакаев показывает, что в октябре 1934 года под руководством Каменева, Евдокимова и его, Бакаева, готовилось в Москве покушение на Сталина, в котором Бакаев сам принимал непосредственное участие. Покушение не удалось. После этого неудавшегося покушения Бакаев пришел к Каменеву и сообщил ему об этом.

«Каменев, — продолжает свое показание Бакаев, — заявил: жаль, но будем надеяться, что в следующий раз будет удачнее. Тут же он обратился к Евдокимову с вопросом о том, как обстоят дела в Ленинграде. Евдокимов ответил, что в Ленинграде нужно было бы проверить положение дела и что следовало бы послать туда Бакаева. Каменев подтвердил — да, непременно нужно поехать Бакаеву. Я согласился. Перед от'ездом я спросил Евдокимова, к кому я там должен явиться и с кем разговаривать. Евдокимов ответил, что нужно явиться к Левину. Я указал, что не знаю адреса Левина, так как много лет не видел его. Евдокимов обещал устроить, чтобы меня на вокзале встретил Левин или Мандельштам. Я поехал, и действительно на вокзале меня встретил Левин, который заявил: что же, Григорий Евсеевич (Зиновьев) не верит ни Гертику, ни Куклину, ни даже самому Евдокимову, а посылает сюда проверять наши настроения и нашу работу — ну что ж, мы люди не гордые... Я попросил созвать ребят. Через некоторое время в квартире Левина, кроме его самого и Мандельштама, были Сосицкий, Владимир Румянцев, Котолынов и Мясников. Котолынов сказал, что он установил регулярное наблюдение за Кировым, что Киров настолько обложен, что убить его не представляет труда. Я попросил познакомить меня с кем-либо из лиц, намеченных для исполнения терактов. Левин просил Котолынова пригласить Николаева Леонида. Я знал, что Николаев Леонид состоит в ленинградской организации. Левин сказал, что Николаев — это старый комсомолец, которого много лет знает Евдокимов и которого Евдокимов рекомендовал с самой лучшей стороны и как абсолютно надежного человека. Николаев произвел на меня впечатление решительного и убежденного террориста. Он сказал, что ему удалось точно установить время поездок Кирова из квартиры в Смольный, что он может убить Кирова или около Смольного или в Смольном, что он старался попасть на прием к Кирову, чтобы во время приема стрелять в Кирова, но его не приняли. Николаев сообщил дальше, что наблюдение за Кировым он ведет вместе с двумя другими террористами».

Давая показания, Бакаев пытается преуменьшить свою вину. Он говорит, что из всей деятельности террористического центра он знал только о решении убить Сталина и Кирова, а о других подготовлявшихся террористических актах он узнал только из обвинительного заключения.

Вышинский: Бакаев, вы были членом террористического центра? Это правильно?

Бакаев: Правильно.

Вышинский: В 1932 году вы получили поручение организовать убийство товарища Сталина. Так ведь было?

Бакаев: Да.

Вышинский: Вы приняли целый ряд практических мер к тому, чтобы это поручение выполнить, т. е. организовать несколько попыток произвести покушение на товарища Сталина, которые не удались не по вашей вине?

Бакаев: Правильно.

Вышинский: Кроме того, вы принимали участие в убийстве тов. Кирова?

Бакаев: Да.

Вышинский: Кроме того, по поручению террористического центра вы ездили в Ленинград проверять подготовку этого убийства?

Бакаев: Да.

Вышинский: Вернувшись из Ленинграда, вы доложили, что все в порядке, подготовка убийства идет успешно. Во время поездки вы виделись с Котолыновым, Румянцевым и другими?

Бакаев: Да.

Вышинский: Более того, вы виделись с Николаевым, инструктировали его об убийстве, решили, что Николаев — человек решительный и сможет выполнить данное поручение?

Бакаев: Да.

Однако при дальнейшем допросе Бакаев снова пытается преуменьшить свою роль, считая, что он был только «соорганизатором» в подготовке злодейского убийства тов. С. М. Кирова.

Вышинский: Вы даете сигналы, проверяете время, вы проверяете все, что делается по вашему сигналу, производите акт — это не называется быть организатором преступления?

Бакаев: Да, это называется быть организатором преступления.

Вышинский: Поэтому мы правильно говорим, что вы были организатором убийства тов. Кирова?

Бакаев: Ну да, но только не я один.

Вышинский: Вы были не одни, Евдокимов был с вами. Обвиняемый Зиновьев, вы были организатором убийства тов. Кирова?

Зиновьев: По-моему, Бакаев прав, когда он говорит, что действительными и главными виновниками злодейского убийства Кирова явились в первую очередь я — Зиновьев, Троцкий и Каменев, организовавшие об'единенный террористический центр. Бакаев играл в нем крупную, но отнюдь не решающую роль.

Вышинский: Решающая роль принадлежала вам, Троцкому и Каменеву. Обвиняемый Каменев, присоединяетесь ли вы к заявлению Зиновьева, что главными организаторами были вы, Троцкий и Зиновьев, а Бакаев играл роль практического организатора?

Каменев: Да.

ДОПРОС ПОДСУДИМОГО ПИКЕЛЯ

Верховный суд переходит к допросу подсудимого Пикеля. Пикель — один из наиболее доверенных людей Зиновьева, заведывал ряд лет его секретариатом. Пикель признает, что как активный член московского террористического центра он был в курсе всех основных решений и террористических мероприятий об'единенного центра. Осенью 1932 года Пикель вошел в состав боевой террористической организации, руководителем которой являлся Бакаев, и согласился участвовать в покушении на товарища Сталина. Пикель подтверждает показания Рейнгольда и Бакаева, что Зиновьев непосредственно руководил подготовкой этого покушения. Одновременно подсудимый Пикель дает яркую характеристику главным руководителям террористической деятельности, в том числе и Зиновьеву, которые были мастерами игры на самолюбии, на особенностях характера каждого из сообщников. Разжигать ярость, разжигать ненависть, доводить единомышленников до высшей точки кипения — это, по заявлению Пикеля, было единственным мастерством, которым владели главари контрреволюционного троцкистско-зиновьевского террористического блока.

Пикель дополняет показания Бакаева и отмечает, что осенью 1933 года Богданом была произведена новая попытка покушения на товарища Сталина. В связи с этим Пикель рисует гнусную атмосферу, существовавшую в террористическом центре, члены которого не стеснялись применять самые низкие средства для заметания следов своей преступной деятельности.

Пикель признает, что самоубийство Богдана является, в сущности, убийством по решению террористического центра. В этом преступлении особенно активную роль играл Бакаев. Бакаев провел с Богданом накануне его самоубийства целую ночь, при чем Бакаев убеждал Богдана или осуществить покушение на Сталина, или покончить с собой. Богдан покончил с собой, при чем, как ему было предложено, оставил записку, изображая себя жертвой партийной чистки.

Далее Пикель рассказывает о подготовке террористического акта против товарища Сталина в 1934 году. Участие Пикеля здесь заключалось в том, что он связал Бакаева с Радиным, который был Пикелем подготовлен для выполнения этого террористического акта.

Еще один характернейший штрих, указывающий на то, как старались замести следы и спасти свою террористическую организацию троцкисты и зиновьевцы. Пикель признает, что для предотвращения провала организации ему было предложено в 1934 году временно уехать в отдаленное место. Тогда Пикель, будучи членом Союза советских писателей, легко получил творческую командировку... на Шпицберген.

Однако, вернувшись с Шпицбергена, Пикель не прекратил террористической работы. Как признает обвиняемый, он вскоре после приезда встретился с Дрейцером и возобновил свою террористическую деятельность. Дрейцер сообщил ему, что готовятся покушения на Кагановича, Ворошилова и других руководителей партии и правительства.

Допросом Пикеля заканчивается вечернее заседание Верховного суда 19 августа.

(ТАСС).

Утреннее заседание 20 августа

ДОПРОС ПОДСУДИМОГО КАМЕНЕВА

Утреннее заседание 20 августа начинается с *допроса подсудимого Л. Б. Каменева.*

«Террористический заговор, — показывает Каменев, — был организован и руководим мною, Зиновьевым и Троцким. Я пришел к убеждению, что политика партии, политика ее руководства победила в том единственном смысле, в котором возможна политическая победа в стране социализма, что эта политика признана трудящимися массами. Ставка наша на возможность раскола в партийном руководстве также оказалась битой. Мы рассчитывали на правую группу Рыкова, Бухарина, Томского. Устранение этой группы от руководства и дискредитация ее перед трудящимися выбили из наших рук и этот козырь. Рассчитывать на какие-либо серьезные внутренние трудности для свержения руководства, которое провело страну через труднейшие этапы, через индустриализацию и коллективизацию, не приходилось. Оставалось два пути: либо честно и полностью ликвидировать борьбу против партии, либо продолжать ее, но уже без всякого расчета на какую бы то ни было массовую поддержку, без политической платформы, без знамени, т. е. путем индивидуального террора. Мы выбрали второй путь. Мы руководствовались при этом бесконечным озлоблением против руководства партии и страны и жаждой власти, к которой некогда были близки и от которой отброшены ходом исторического развития».

Отвечая на вопросы тов. Вышинского, подсудимый Каменев рассказывает суду о том, как *зиновьевцы вступили в блок с троцкистами* на предмет организации террористической борьбы против партии и советского государства.

«Мы вели переговоры о блоке со Смирновым, Мрачковским, Тер-Ваганяном не как с творцами самостоятельных политических директив. Они представляли для нас ценность как люди, точно воспроизводящие директиву Троцкого. Зная Смирнова и Мрачковского как активных троцкистов, зная о поездке Смирнова за границу и о том, что он там связался с Троцким, мы были абсолютно уверены, что директива о терроре, передаваемая Смирновым и Мрачковским и ими защищаемая, есть точная директива Троцкого. На основании этого и при совпадении директив Троцкого о терроре с нашими настроениями мы и заключили то, что здесь называется «блоком», и то, что следует назвать узким террористическим заговором. Этот заговор сложился в 1932 году как организационное об'единение, которое не имело никакой платформы и которое поставило себе целью захват власти путем террористической дезорганизации правительства, путем устранения и убийства Сталина, как руководителя партии и страны, и его ближайших соратников».

Подсудимый Каменев полностью подтверждает руководящую роль в троцкистской части террористического троцкистско-зиновьевского центра И. Н. Смирнова и по поводу запирательства последнего заявляет:

«Это смешное виляние, которое производит комическое впечатление».

Далее Каменев показывает суду о практической деятельности контрреволюционных террористов.

«Летом 1932 года в Ильинском у нас на даче состоялось совещание нашего зиновьевского центра. Присутствовали я, Зиновьев, Евдокимов, Бакаев, Куклин, Карев. На этом совещании Зиновьев сообщил, что об'единение с троцкистами, получившими личную директиву Троцкого о проведении террористических актов, — совершившийся факт. Здесь же Бакаеву было поручено провести террористический акт в Москве, а Кареву — в Ленинграде. Высылка меня и Зиновьева несколько задержала осуществление наших террористических планов. Когда мы вернулись в Москву, мы ничего не пересматривали в основах блока. Наоборот, мы приступили к форсированию террористического заговора. Это форсирование было вызвано двумя обстоятельствами. Во-первых, срывом двурушнической политики Зиновьева, выведенного из редакции «Большевика», что вызвало наши опасения, не проникли ли в руководство партии сведения о нашей связи с Троцким. На форсировании террора энергично настаивали, во-вторых, троцкисты, получившие соответствующую директиву Троцкого. Организационно это получило выражение в том, что было принято решение ускорить убийство Сталина и убийство Кирова».

«В июне 1934 года, — показывает подсудимый Каменев, — я лично ездил в Ленинград, где поручил активному зиновьевцу Яковлеву подготовить параллельно с группой Николаева — Котолынова покушение на Кирова. В начале ноября 1934 года мне из доклада Бакаева были известны все детали подготовки убийства Кирова николаевской группой».

Вышинский: Убийство Кирова это дело непосредственно ваших рук?

Каменев: Да.

О составе террористического троцкистско-зиновьевского *центра Каменев дает следующие показания:*

«Центр заговора состоял из следующих лиц: со стороны зиновьевцев — из меня, Зиновьева, Евдокимова, Бакаева и Куклина; со стороны троцкистов — Смирнова, Мрачковского и Тер-Ваганяна. В числе руководителей заговора можно назвать еще одно лицо, которое фактически принадлежало к руководителям, но в виду особых расчетов наших, которые с этим лицом были связаны, не было привлекаемо к практическим мероприятиям. Я говорю о Сокольникове».

Вышинский: Который был членом центра, но строго законспирированным?

Каменев: Да.

«Зная, что мы можем провалиться, — говорит далее Каменев, — мы наметили узенькую группу, которая бы продолжала террористическую деятельность. Нами для этой цели был намечен Сокольников. Нам казалось, что со стороны троцкистов эту роль могут с успехом выполнить Серебряков и Радек. На соответствующий наш вопрос Мрачковский ответил: — да, Серебряков и Радек, по нашему мнению, могут сыграть роль замены, если бы наша руководящая группа паче чаяния провалилась».

Каменев рассказывает, что зиновьевцы вели переговоры, устанавливали контакт и с другими контрреволюционными группами.

— В 1932 году я лично вел переговоры с группой так называемых «леваков», группой Ломинадзе — Шацкина. В этой группе я нашел врагов партийного руководства, абсолютно подготовленных к тому, чтобы перейти к самым решительным методам борьбы с ним. В то же время и я и Зиновьев имели постоянную связь также с группой бывшей «рабочей оппозиции» — Шляпникова и Медведева. В 1932—33—34 годах я лично поддерживал сношения с

(ОКОНЧАНИЕ НА 3-й СТР.)

ПРОЦЕСС ТРОЦКИСТСКО-ЗИНОВЬЕВСКОГО ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО ЦЕНТРА

(ОКОНЧАНИЕ)

Томским и Бухариным, осведомлялись об их политических настроениях. Они нам сочувствовали. Когда я спросил у Томского, каково настроение у Рыкова, он ответил: «Рыков думает так же, как я». На вопрос, что же думает Бухарин, он сказал: «Бухарин думает то же, что я, но проводит несколько иную тактику—будучи не согласен с линией партии, он ведет тактику усиленного внедрения в партию и завоевания личного доверия руководства».

При допросе подсудимого Каменева суд подробно останавливается на двурушничестве, которое заговорщики, наряду с террором, пустили в ход в борьбе против партии.

Вышинский: Как оценить ваши статьи и заявления, которые вы писали в 1933 г. и в которых выражали преданность партии. Обман?

Каменев: Нет, хуже обмана.

Вышинский: Вероломство?

Каменев: Хуже.

Вышинский: Хуже обмана, хуже вероломства — найдите это слово. Измена?

Каменев: Вы его нашли.

Вышинский: Подсудимый Зиновьев, вы это подтверждаете?

Зиновьев: Да.

Вышинский: Измена, вероломство, двурушничество?

Зиновьев: Да.

Говоря далее о мотивах своего поведения, подсудимый Каменев заявляет:

«Я могу признать только одно, что, поставив перед собой чудовищно-преступную цель дезорганизовать правительство социалистической страны, мы употребили методы борьбы, которые, по нашему мнению, соответствовали этой цели и которые так же низки и подлы, как и сама цель, которую мы перед собой поставили».

В дальнейшем ходе допроса подсудимый Каменев еще более ясно и определенно говорит о том, что руководило деятельностью зиновьевцев.

Вышинский: Следовательно, вашей борьбой против руководства партии и правительства руководили мотивы личного, низменного порядка—жажда личной власти?

Каменев: Да, жажда власти нашей группы.

Вышинский: Не находите ли вы, что это ничего общего не имеет с общественными идеалами?

Каменев: Оно имеет то общее, что имеет революция и контрреволюция.

Вышинский: Значит вы на стороне контрреволюции?

Каменев: Да.

Вышинский: Следовательно, вы отчетливо себе представляете, что ведете борьбу против социализма?

Каменев: Мы отчетливо представляем, что ведем борьбу против руководства партии и правительства, которые ведут страну к социализму.

Вышинский: Тем самым вы и против социализма?

Каменев: Вы делаете вывод историка и обвинителя.

В конце допроса подсудимого Каменева тов. Вышинский напоминает ему о том, что в своих показаниях от 10 августа он заявил, что после захвата власти заговорщики предполагали, назначив Бакаева руководителем ОГПУ, замести следы своих преступлений.

Каменев пытается уверять, что троцкистско-зиновьевский центр имел при этом в виду не физическое уничтожение непосредственных исполнителей террористических актов, а направить следствие по террористическим актам на ложный путь.

Подсудимый Рейнгольд категорически утверждает, что троцкистско-зиновьевский центр намеревался уничтожить своих боевиков-террористов для того, чтобы выгородить троцкистско-зиновьевских главарей и замести следы преступления. Возмущенный виляньем в этом вопросе Каменева, Рейнгольд говорит:

— Пусть Каменев не прикидывается тут таким невинным созданием. Он — прожженный политик, который дорвался бы к власти через горы трупов. И неужели он остановился бы перед тем, чтобы уничтожить одного—двух террористов? Никто ему не поверит!

ДОПРОС СВИДЕТЕЛЯ ЯКОВЛЕВА

Суд переходит к опросу вызванного по ходатайству прокурора свидетеля Яковлева.

Тов. Вышинский просит Яковлева рассказать о связи Каменева с ним, Яковлевым, по той террористической деятельности, которую проводил Каменев.

Яковлев показывает, что работавший вместе с ним в контрреволюционной группе в Академии наук Карев сообщил ему следующее: в 1932 году осенью зиновьевцы организовали блок с троцкистами; создан об'единенный троцкистско-зиновьевский центр; основным методом борьбы с партией и советской властью этим центром признан террор, который решено направить против руководителей партии и правительства и в первую очередь против Сталина и Кирова.

«Это же мне подтвердил, — продолжает Яковлев, — лично Каменев в 1934 году. При этом Каменев поручил мне организовать террористическую группу в Академии наук. Я это поручение принял. Тогда же Каменев сообщил мне, что задания по подготовке террористических актов даны и другим группам. В Москве ведется работа по покушению на Сталина, а в Ленинграде предполагается совершить террористический акт над Кировым, и это задание дано группе Румянцева—Котолынова».

Вышинский: Обвиняемый Каменев в своих показаниях говорил о Яковлеве (обращаясь к Каменеву). Это именно тот самый Яковлев?

Каменев: Он самый.

Вышинский: И вы с ним виделись?

Каменев: Виделся.

Вышинский: Вы ему поручили работу по подготовке террористического акта параллельно с группой Румянцева—Котолынова? Вы подтверждаете это?

Каменев: Да.

Вышинский: И вы, Яковлев, это подтверждаете?

Яковлев: Да.

После нескольких вопросов Тер-Ваганяна и Смирнова Каменеву, из которых выясняется, что Каменев неоднократно имел разговоры о терроре с Тер-Ваганяном в 1932 году, суд переходит к допросу подсудимого Зиновьева.

ДОПРОС ПОДСУДИМОГО ЗИНОВЬЕВА

Зиновьев начинает свои показания с истории восстановления об'единенного троцкистско-зиновьевского центра в 1932 году. Зиновьев подчеркивает, что никакого расхождения между троцкистами и зиновьевцами по существу никогда не было.

«Расхождения наши с Троцким после XV с'езда, — говорит Зиновьев, — когда Троцкий употреблял по моему адресу и адресу Каменева слово «измена», на самом деле были маленьким зигзагом, размолвкой. Никакой измены Троцкому мы в то время не совершали, а совершили еще одну измену большевистской партии, к которой мы принадлежали».

Но именно в этот момент,—продолжает Зиновьев, — мы переходили уже целиком на почву двурушничества, которое началось и раньше, которое было и в 1926 и в 1927 гг. Но в 1928 году, после XV с'езда ВКП(б), мы уже ни одного шага не можем сделать, ни одного слова не можем сказать без той или другой измены партии, без того или иного применения двурушничества. «С 1928 по 1932 год ни на один момент, — говорит Зиновьев, — действительной разницы между нами и троцкистами не было. И поэтому мы совершенно закономерно пришли к терроризму.

Мы брали ставку на рост трудностей, надеялись на то, что они вырастут в такой мере, когда мы, и правые, и троцкисты, и примыкающие к ним более мелкие группы смогут выступить открыто. Мечтали выступить единым фронтом. Мы тогда считали, что больше всего шансов у правых, что их прогнозы больше всего оправдаются, что их имена будут иметь особенно притягательное значение. В этот момент мы старались особенно подчеркнуть близость с ними».

«В это же время,—продолжает Зиновьев, —отдельные подпольные группы как правого, так и так называемого левого направления искали связей со мной и Каменевым. Обращения шли от остатков «рабочей оппозиции»: Шляпникова, Медведева. Обращения шли от групп так называемых «леваков». Это—Ломинадзе, Шацкин, Стэн и другие. Обращения шли также от так называемых «индивидуалов». К числу их относился Смилга и, до известной степени, Сокольников».

«Во второй половине 1932 года,—говорит Зиновьев,—мы поняли, что наша ставка на рост трудностей в стране бита. Мы начали понимать, что партия и ее ЦК преодолеют эти трудности. Но и в первую и во вторую половину 1932 года мы пылали ненавистью к Центральному Комитету партии и к Сталину».

«Мы были уверены в том,—говорит Зиновьев,—что руководство должно быть во что бы то ни стало сменено, что оно должно быть сменено нами вместе с Троцким. В этой обстановке происходят мои свидания со Смирновым, который меня здесь обвинил в том, что я часто говорю неправду. Да, я часто говорил неправду. Я говорил ее с того момента, когда стал на путь борьбы с большевистской партией. Поскольку и Смирнов встал на путь борьбы с партией, он также говорит неправду. Но разница между мною и ним, повидимому, заключается в том, что я решил твердо и до конца в эту последнюю минуту сказать всю правду, между тем как он принял, повидимому, другое решение».

Вышинский: А сейчас вы всю правду говорите?

Зиновьев: Сейчас я говорю всю правду до конца.

Вышинский: Вспомните, что 15—16 января 1935 года на заседании Военной коллегии Верховного суда вы также утверждали, что вы говорите всю правду.

Зиновьев: Да, 15—16 января я не сказал всей правды.

Вышинский: Не сказали, но уверяли, что говорите правду.

Зиновьев, продолжая свои показания, рассказывает, что во время разговоров со Смирновым в 1931 году он договаривался с ним об об'единении троцкистов и зиновьевцев на базе террора и что это делалось по директиве Троцкого. «И. Н. Смирнов, — говорит Зиновьев,—целиком и полностью разделял эту директиву и горячо и убедительно ее проводил. Мы очень много говорили со Смирновым о подборе людей для террористической деятельности, а также намечали лиц, против которых должно быть направлено террористическое оружие. В первую очередь называлось имя Сталина, затем Кирова, Ворошилова и других руководителей партии и правительства. Для осуществления этих планов был создан троцкистско - зиновьевский террористический центр, в котором руководящую роль играл я — Зиновьев, и от троцкистов — Смирнов».

Вышинский: Значит, можно сделать в итоге ваших показаний такой вывод, что в организации троцкистско-зиновьевского террористического блока и центра решающую роль сыграли, с одной стороны, вы, — как руководитель зиновьевцев, и, с другой стороны, — Троцкий—через своих представителей?

Зиновьев: Правильно.

Вышинский: Главным представителем и даже заместителем Троцкого в СССР в этот период являлся И. Н. Смирнов?

Зиновьев: Правильно.

Вышинский: Было ли признание необходимости террора решающим условием об'единения троцкистов и зиновьевцев?

Зиновьев: Да.

Вышинский: Были ли вами и Смирновым установлены лица, против которых террор должен был быть направлен в первую очередь? Правильно ли, что этими лицами являлись товарищ Сталин, товарищ Киров, товарищ Ворошилов?

Зиновьев: В центре стоял этот вопрос.

В дальнейших своих показаниях Зиновьев, отвечая на вопрос тов. Вышинского о практических шагах в направлении подготовки убийства руководителей партии и правительства, рассказывает, что осенью 1932 года состоялось совещание в Ильинском, на котором участвовали Зиновьев, Каменев, Евдокимов, Бакаев, Карев. На этом совещании практическое руководство террористическими делами было поручено Бакаеву.

«Когда мы уехали с Каменевым, после провала рютинского дела, в ссылку,—продолжает Зиновьев,—мы оставили в качестве руководителей террористической деятельности Евдокимова, Бакаева и Смирнова. При этом особые надежды мы возлагали на Смирнова». «К этому же времени,—говорит Зиновьев,—относятся мои переговоры с Томским, которому я рассказал о нашем блоке с троцкистами. Томский выразил полную с нами солидарность. После возвращения из ссылки наши первые шаги были направлены на то, чтобы ликвидировать, если можно так выразиться, наш террористический прорыв, провал заговорщиков, восстановить к себе доверие для того, чтобы потом можно было продолжать террористическую деятельность. Мы продолжали тактику, состоявшую из сочетания, из комбинирования все более и более утонченного коварного двурушничества с подготовкой заговора».

«После убийства Сергея Мироновича Кирова,—говорит Зиновьев,—наше коварство дошло до того, что я послал в «Правду» некролог о Кирове. Этот некролог не был напечатан. Насколько я помню, Каменев и, кажется, Евдокимов также писали некрологи о Кирове. Каменев во всяком случае знал, что я свой некролог пошлю».

Вышинский: Значит, вы это сделали по предварительному соглашению?

Зиновьев: Насколько я помню, я Каменеву говорил, что посылаю некролог. Он, кажется, сказал, что либо пошлет самостоятельный, либо от их учреждения будет коллективный некролог и он его подпишет.

Вышинский: Вы не припоминаете этого, обвиняемый Каменев?

Каменев: Я этого не помню. И о том, что Зиновьев собирался послать некролог, я не знал. Я знал о том, что Зиновьев, после событий 1 декабря и после ареста Бакаева и Евдокимова, пришел ко мне с проектом своего письма к генеральному комиссару государственной безопасности Ягоде, в котором заявлял, что он обеспокоен этим арестом и просит его вызвать для того, чтобы установить, что он (Зиновьев) ничего общего с этим убийством не имеет.

Вышинский: Было это так, обвиняемый Зиновьев?

Зиновьев: Да, было.

Каменев: Потом я говорил: этого делать не надо, так как считал, что после того, что было нами сделано, — необходимо соблюсти немножко хладнокровия.

Вышинский: Вам удалось сохранить хладнокровие?

Каменев: Да, такой записки я не писал.

После этого Зиновьев рассказывает о том, что в 1934 году он послал Бакаева в Ленинград для проверки готовности проводимой там работы по совершению убийства Кирова. «Я, — говорит Зиновьев, — послал в Ленинград Бакаева, как человека, который пользовался нашим доверием, который прекрасно знал личный состав террористов, чтобы он проверил людей, обстановку, степень готовности и т. д. Бакаев, вернувшись из Ленинграда, сообщил, что все в порядке».

Вышинский: Вы были уверены в том, что все благополучно?

Зиновьев: Я считал, что вся работа сделана.

Вышинский: Вы торопили, вы форсировали убийство Кирова? Были такие моменты, когда вы выражали недовольство некоторой медлительностью ваших террористов?

Зиновьев: Да, некоторое недовольство я выражал.

Вышинский: Можно сказать, что вы не только были организатором и вдохновителем убийства Кирова, но и организатором более форсированного осуществления этого события?

Зиновьев: Был момент, когда я старался ускорить.

В дальнейших своих показаниях Зиновьев говорит о своих встречах с М. Лурье (Эмель), который привез от Троцкого террористические директивы. «Я знал,—говорит Зиновьев,—что М. Лурье троцкист и не только троцкист, но даже, когда он говорил, в нем прорывался язык фашиста».

Вышинский: В чем проявлялся его фашизм?

Зиновьев: Фашистское сводилось к тому, что он говорил: в такой обстановке, как сейчас, мы должны итти на использование всяких средств.

На вопрос тов. Вышинского, обращенный к М. Лурье, выясняется, что Зиновьев встречался с М. Лурье после его приезда из Берлина три раза. При этом во время встречи М. Лурье с Зиновьевым на квартире у последнего имел место откровенный разговор между ним и Зиновьевым. Разговор шел о террористических директивах Троцкого, полученных М. Лурье в Берлине через Рут-Фишер и Маслова и переданных затем М. Лурье Зиновьеву через Гертберга.

— Я,—говорит М. Лурье,—спросил Зиновьева, в курсе ли он дела Натана Лурье. Зиновьев ответил положительно. Далее он говорил Зиновьеву, что Натан Лурье связан с неким Францем Вайцем. На вопрос Зиновьева, кто такой Франц Вайц, М. Лурье сообщил, что Франц Вайц является особо доверенным лицом Гимлера, теперешнего руководителя Гестапо. Я его вновь спросил: вы в курсе дела об этой группе? Зиновьев ответил утвердительно. На мой недоуменный вопрос о допустимости для марксистов применять индивидуальный террор и поддерживать связь с фашистскими группами последовал ответ: «Вы же историк, Моисей Ильич», и Зиновьев провел параллель с Бисмарком и Лассалем, прибавив: «Почему мы не можем использовать теперь Гимлера?»

После ответов Лурье Зиновьев пытается приписать произнесенную им фразу о Лассале и Бисмарке самому Лурье. Однако он не может отрицать того факта, что Лурье действительно был у него на квартире и имел с ним разговор о терроре.

Затем Зиновьев, отвечая на вопрос председателя тов. Ульриха об участии его—Зиновьева—в подготовке террористического акта против товарища Сталина, говорит, что он участвовал в этом деле и ему известны две попытки покушения на жизнь товарища Сталина, в которых принимали участие Рейнгольд, Дрейцер и Пикель. Зиновьев подтверждает также, что он рекомендовал руководителю террористических групп Бакаеву своего личного секретаря Богдана, как выполнителя убийства товарища Сталина.

Вышинский: Вы рекомендовали Богдана Бакаеву для того, чтобы он осуществил убийство товарища Сталина. Вы это подтверждаете?

Зиновьев: Подтверждаю.

ДОПРОС СВИДЕТЕЛЯ САФОНОВОЙ

Суд переходит к допросу вызванной по ходатайству прокурора свидетеля Сафоновой.

Сафонова показывает, что она являлась членом троцкистского центра и принимала активное участие в работе этого центра. Далее она говорит, что И. Н. Смирнов информировал в 1931 году центр троцкистской организации в лице Тер-Ваганяна, Мрачковского и ее—Сафоновой—о полученной им в Берлине через Седова установке на переход к террористическим методам борьбы. И. Н. Смирнов, передавая эту установку, подчеркнул, что она исходит от Троцкого. «На этом же совещании,—показывает далее Сафонова,—нам было сообщено Смирновым, что центром принято решение о переходе к террору и о совершении в первую очередь террористического акта над Сталиным. В 1932 году Смирновым была получена директива Троцкого, которую привез Гавен. Эта директива являлась прямым подтверждением ранее полученной Смирновым через Седова директивы Троцкого о терроре. Об этой директиве нас также информировал И. Н. Смирнов. Эта директива явилась не только подтверждением указаний, переданных через Седова, но она одновременно явилась и указанием на необходимость форсировать террористический акт против Сталина».

Сафонова приводит еще один факт, характеризующий отношение И. Н. Смирнова к террору: «Однажды,—рассказывает она, — Мрачковский, вернувшись с приема у Сталина, рассказывал нам о своей беседе со Сталиным. При этом присутствовали я и И. Н. Смирнов. Мрачковский, рассказывая нам о беседе со Сталиным, увязывал ее с перспективами нашей дальнейшей борьбы и заявил, что единственный выход — это убить Сталина. И. Н. Смирнов активно поддержал этот вывод Мрачковского».

«Перед моим от'ездом в декабре 1932 года на строительство Амуро-Байкальской дороги,—продолжает свои показания Сафонова,—я имела беседу со Смирновым о дальнейшей работе организации в связи с принятым решением о терроре. И. Н. Смирнов в категорической форме подтвердил мне, что Сталина надо убить, что Сталин будет убит».

Смирнов пытается отрицать, что он передавал Тер-Ваганяну, Мрачковскому и Сафоновой директиву Троцкого о переходе к террору. Смирнов также пытается отрицать, что после возвращения Мрачковского с беседы у Сталина он говорил о необходимости убить Сталина. Однако из вопросов тов. Вышинского к Тер-Ваганяну, Сафоновой и Мрачковскому устанавливается, что эти факты действительно имели место.

В связи с тем, что показания Сафоновой окончательно изобличают Смирнова, тов. Вышинский вносит ясность в отношения Смирнова с Сафоновой.

Вышинский: Какие отношения у вас были с Сафоновой?

Смирнов: Хорошие.

Вышинский: А больше?

Смирнов: Мы были близкие люди друг другу.

Вышинский: Вы были муж и жена?

Смирнов: Да.

Вышинский: Личных счетов у вас нет?

Смирнов: Нет.

Всеми показаниями обвиняемых и свидетелей Смирнов целиком изобличается, как один из главных руководителей террора против руководителей партии и советского правительства, который он осуществлял по прямым указаниям Троцкого.

На этом утреннее заседание заканчивается.

Вечернее заседание 20 августа

Вечернее заседание Верховного суда началось допросом обвиняемого И. Н. Смирнова. В течение почти трехчасового допроса Смирнов всячески старается уклониться от прямо поставленных прокурором тов. Вышинским вопросов, пытается умалить свою роль, отрицает свою террористическую деятельность против руководителей партии и правительства. В конце концов под давлением до конца изобличающих его фактов он вынужден признать, что являлся руководителем подпольной троцкистской организации и входил в троцкистско-зиновьевский центр, созданный на террористической основе.

Затем допрашивается Ольберг—активный участник германской троцкистской организации с 1931 г., три раза пробиравшийся в Советский Союз для совершения террористического акта против товарища Сталина. В 1933 году Ольберг первый раз приезжает в СССР по фальшивому паспорту. Получив в Праге через агента Гестапо Тукалевского паспорт гражданина среднеамериканской республики Гондурас, Ольберг в 1935 году приезжает в СССР для выполнения задания Троцкого убить товарища Сталина.

Допрашиваемый вслед за Ольбергом другой активный участник германской троцкистской организации, обвиняемый Берман-Юрин, тоже заявляет, что он получил личные директивы Троцкого об убийстве Сталина. Ольберг и Берман-Юрин показывают, что им была дана категорическая директива в случае провала всячески скрывать роль Троцкого.

После допроса Бермана-Юрина об'является перерыв до 11 час. утра 21 августа.

Подробный отчет о вечернем заседании 20 августа будет дан в завтрашних номерах газет. (ТАСС).

Германские фашисты выгораживают Троцкого

Когда в советской печати 15 августа появилось сообщение об окончании следствия по делу троцкистско-зиновьевских террористов и о предании их суду, германская фашистская печать растерялась. Газеты не знали сначала, что сказать. Большинство из них перепечатывало сообщение московского корреспондента агентства «Ост экспресс», пытавшегося прикинуться дурачком и вопрошавшего: как же можно обвинять Троцкого, Зиновьева и Каменева в организации террористических актов, когда, мол, Зиновьев и Каменев последние два года отбывали наказание в тюрьме, а Троцкий находился за границей?

Эта поза недоумевающей наивности, впрочем, была быстро оставлена.

На другой день фашистская печать, как по команде, начала заметать следы троцкистско-зиновьевских террористов. При этом был применен традиционный маневр многих охранок, когда те пытаются спасти своего провокатора, а именно: они стремятся выдать провокатора за подлинного революционера. Применяя этот метод Гестапо, фашистские писаки начали срочно перекрашивать Троцкого в «страшного» революционера-большевика.

«Берзенцейтунг» 16 августа утверждала, что «всюду, где побывал Троцкий (во Франции, Испании и Норвегии), — там возникают революционные пожары».

«Франкфуртер цейтунг» 16 августа намекала, что «теория перманентной революции Троцкого... приобретает теперь, в связи с событиями в Испании, большую актуальность». Заодно фашистская газета заверяла, что «не может быть и речи о какой-либо политической организации остатков бывших оппозиционных элементов в СССР».

Теория Гестапо о Троцком-революционере была в особенности широко развернута в эссенской газете «Националь цейтунг», близкой к Герингу. Газета категорически заявляла: «Троцкий является всем чем угодно, но не противником Москвы, как его пытаются изобразить... Наоборот, он является одним из самых деятельных и, в московском смысле, самых энергичных агентов мировой революции».

Ну, а как же быть с конкретными обвинениями в том, что Троцкий систематически организовывал предательские убийства вождей ВКП(б) и советского правительства? «Националь цейтунг» давала такое «потрясающее» об'яснение: «В Москве снова пытаются при помощи большого театрального процесса завуалировать деятельность господина Троцкого».

Так и написано: «завуалировать». И это писалось в тот самый день, когда в Москве, на заседании Военной коллегии Верховного суда Союза ССР зачитывалось обвинительное заключение, полностью разоблачающее предательскую, террористическую деятельность Троцкого и его агентов, вскрывающее их прямую организационную связь с Гестапо.

Обвинительное заключение было новым ударом для фашистских защитников Троцкого. Оно внесло новое замешательство в их ряды. Та же самая «Франкфуртер цейтунг», сообщая 20 августа о первом дне процесса и отмечая признание подсудимыми своей вины, неожиданно заключает: «Тем самым процесс теряет перспективу драматического развития и напряжения». Раз дело зашло об открытом разоблачении роли германских государственных органов в подготовке террористических актов против вождей СССР, то для фашистской газеты процесс сразу... теряет интерес.

«Фелькишер беобахтер» с кислой миной продолжает еще твердить о «практически несуществующей оппозиции» и о «прямо-таки комичном обвинении подсудимых в том, что они работали для германских инстанций». По мнению газеты, «процесс преследует... цель отвлечения внимания от террористической, интервенционистской политики Коминтерна за границей».

Фашистам, организующим все более наглую интервенцию против Испанской республики, вряд ли удастся подобным маневром отвлечь внимание от террористической деятельности агентов германского Гестапо в СССР. Процесс троцкистско-зиновьевских предателей и убийц вскроет эту деятельность до конца.

Б. МИХАЙЛОВ.

Х. РАКОВСКИЙ

НЕ ДОЛЖНО БЫТЬ НИКАКОЙ ПОЩАДЫ!

Чувство безграничной и горячей симпатии к любимому вождю и учителю трудящихся масс товарищу Сталину и его ближайшим соратникам, чувство полной, безоговорочной политической солидарности с линией партии и вместе с тем чувство глубокого возмущения и негодования против гнусных и презренных убийц — вот что испытал каждый из нас, прочитав сообщение Прокуратуры СССР от 15 августа.

К этому всеобщему чувству у меня возникло чувство стыда, жгучего стыда за прошлую принадлежность к оппозиции, вожди которой превратились в контрреволюционеров, преступников и убийц и которые, как каждый может убедиться еще раз на фактах, влекли своих сторонников к политической и моральной деградации.

Сегодня перед нами полный текст обвинительного заключения Прокуратуры и показаний главных обвиняемых на первых двух заседаниях суда. Категорические признания самих обвиняемых подавляют своей неотразимой убедительностью.

Это они — Троцкий, Зиновьев, Каменев, Смирнов, Мрачковский и их приспешники убили Сергея Мироновича Кирова!

Это они организовывали покушения на жизнь товарищей Сталина, Ворошилова, Кагановича и других вождей партии!

Это они готовили величайшую катастрофу, которая могла бы постигнуть Советский Союз и мировое рабочее движение!

Обильными фактами подтверждено, что нет такого гнусного преступления против советской страны и против ее революционного руководства — коммунистической партии, на которое не была бы способна бесчестная троцкистско-зиновьевская шайка.

Вышибленные из всех своих теоретических меньшевистских позиций, опровергнутые полностью ходом событий в их пораженческих предвидениях, не встретивши ни малейшего отклика в широких трудящихся массах,—вожди троцкистско-зиновьевской оппозиции, обуреваемые чувствами честолюбия, злобы и мстительности, со ступеньки на ступеньку падали, пока докатились до лагеря фашистов. Они стали применять против партии и советского государства гнуснейшее оружие — систематический обман, двурушничество и подлые убийства из-за угла.

Военная коллегия Верховного суда при единодушном горячем одобрении трудящихся масс, охваченных гневом и возмущением, воздаст каждому из обвиняемых по заслугам.

Но есть одно лицо, имя которого повторяется во всех показаниях, есть одно лицо, кровавые руки которого держат нити всей террористической организации, лицо, которое, к величайшему сожалению, отсутствует на скамье подсудимых, но которое должно быть пригвождено на первом месте к позорному столбу.

Я говорю о Троцком.

Партия давно разоблачила этого господина. Но он продолжал выдавать себя за идейного политического противника.

Сегодня маска с лица Троцкого окончательно сорвана.

Теперь для всех ясно, — в том числе и для меня, который долгие годы поддерживал с ним личную дружбу и который, находясь в рядах оппозиции, верил в его политическую честность, — что Троцкий был в партии всегда чуждым элементом. Троцкий — политический авантюрист, негодяй и мерзавец, методы действий которого — сеять политический разврат в партии путем двурушничества и обмана и дезорганизовать советскую власть путем организации подлых убийств ее вождей.

Я обращаюсь ко всем друзьям Советского Союза за границей, ко всем честным людям, у которых еще могли сохраниться к Троцкому отношения, как к политическому деятелю, и говорю им:

Подальше от Троцкого, руки которого запачканы кровью благородного, честного, мужественного и беззаветно преданного делу рабочего класса Сергея Мироновича Кирова!

Подальше от Троцкого, который в момент, когда международный пролетариат и вместе с ним трудящиеся об'единяют все свои силы, чтобы в напряженной тяжелой борьбе раздавить нагло поднявший голову международный фашизм, пытается подорвать, дезорганизовать и ослабить самую надежную опору в антифашистской борьбе — политическую и хозяйственную мощь и военную оборону Советского Союза.

Подальше от Троцкого, который снюхается с агентами фашистской охранки, чтобы послать на территорию Советского Союза своих агентов-убийц.

Недавно, в связи с деловой поездкой по Кавказу и Украине, я на примерах видел, какой блестящий экзамен выдержала снова генеральная линия партии. В той знойной и тропической жаре, подобной которой страна не знала полстолетия, неизгладимое впечатление оставляли широкие, ровные урожайные поля колхозов, с которых исчезли позорные межи частной собственности, оживленные комбайнами, грузовиками и песнями жнецов. Там, где раньше был бы полный неурожай, теперь колхозы собирают богатую жатву (в колхозе им. Тельмана, возле Запорожья, урожай пшеницы исчисляется в среднем в 23 центнера с га). Я видел обширные пространства, покрытые хлопчатником, посеянным на месте прежних трав или малоценных культур. Я видел каменистые холмы в окрестностях Батуми, покрытые сочными зелеными коврами чайного кустарника на многие и многие тысячи га. Во всех направлениях виднелись новые стройки, и среди них грандиозный Днепрогэс с многочисленными заводами, изменивший полностью физиономию того громадного района, где раньше торчали днепровские скалы, где были редкие крестьянские селения и где единственным сооружением являлся киккасский железнодорожный мост.

В этой картине чувствовалась хозяйственная мощь социалистического строительства—результат двух пятилеток, полученный только благодаря генеральной линии партии, личной инициативе товарища Сталина, а также благодаря той беспощадной борьбе, которую партия вела со всеми видами оппозиции.

Любая попытка ослабить темп этого строительства, дезорганизуя социалистическую правительственную власть, любая попытка ослабить политическую, хозяйственную и оборонную мощь Союза, сорвать проведение сталинской Конституции — величайшего законодательного акта, в которой впервые в истории обобществленная собственность—чаяния трудящихся масс всех времен — об'явлена основой общественного устройства государства,—любая такая попытка должна быть жестоко и в корне пресечена.

Для троцкистско-зиновьевских убийц тов. Кирова, для организаторов покушения на жизнь любимого нашего вождя товарища Сталина и других вождей партии и правительства, для троцкистов — агентов германского Гестапо, не должно быть никакой пощады — их надо расстрелять.

Миллионные массы трудящихся требуют расстрела троцкистско-зиновьевских бандитов—заклятых врагов народа

РАССТРЕЛЯТЬ!

ХАРЬКОВ, 20 августа. (Корр. «Правды»). Вчера вечером трудящиеся Харькова до поздней ночи слушали по радио обвинительное заключение.

На швейной фабрике им. Тинякова стахановцы пальтового цеха внимательно ознакомились с обвинительным заключением.

Мастер Шрагов с возмущением говорит:

— Можно ли придумать что-либо гнуснее и подлее заявления Каменева, доказывавшего необходимость террористических актов: «Головы отличаются тем, что они не отрастают».

Мастера Шрагова сменила старая производственница, беспартийная работница Крюковская.

— Я хочу выразить мысль, — заявила она, — которая таится в каждом из нас. Троцкий, Зиновьев, Каменев и компания отбросов общества и проходимцев хотели лишить нас самых дорогих жизней, хотели лишить нас того, кто нам дороже всего на свете — Сталина. Они воспитали убийц Сергея Мироновича Кирова и готовили новых бандитов. Какой же иной может быть им приговор, как не расстрел?

В письме, обсужденном и принятом на сменных собраниях электромеханического завода им. Сталина, говорится:

«На нашем заводе, который носит Ваше славное имя, товарищ Сталин, как в капле воды, отразились грандиозные успехи социализма, построенного под Вашим мудрым водительством. Технически перевооружились наши цеха. Охваченные могучим порывом стахановского движения, мы оставляем далеко позади рекорды и нормы капиталистической техники. Радостно, весело, культурно, творчески полноценно и в полном достатке живет наш многотысячный коллектив. Дорогу в такую жизнь, о которой мечтать не могли наши отцы, показали нам Вы, наш любимый друг и учитель. И вот все это, добытое кровью и трудом, задумали отнять у нас презренные ядовитые гады—Троцкий, Зиновьев, Каменев и др.».

—o—

Буря ненависти

ЯРОСЛАВЛЬ, 20 августа. (Корр. «Правды»). Несмотря на дождливую погоду, в садах и на площадях Ярославля у рупоров, передававших по радио обвинительное заключение по делу о троцкистско-зиновьевской банде, собирались большие толпы народа. Трудно передать словами негодование, охватывающее трудящихся при сообщении о том, что озверелое контрреволюционное отребье готовило покушение на товарища Сталина.

Везде бушует буря ненависти к заклятым врагам народа—Троцкому, Зиновьеву, Каменеву, Евдокимову, Бакаеву и другим изменникам родины.

Возмущенные гнусными преступлениями кучки подлых убийц, покушавшихся на жизнь великого вождя и его соратников, трудящиеся требуют от Верховного суда раздавить контрреволюционную гадину. Рабочие автомобильного, шинного, кардного, асбестового заводов, ТЭЦ, прядильноткацкого комбината «Красный Перекоп» в один голос заявляют:

«Мы требуем суровой расправы с подлыми бандитами, требуем расстрела».

Голос ученых

Академики, профессора, научные работники и другие отдыхающие в санатории Совнаркома имени Цюрупы потрясены и глубоко возмущены попытками террористических актов, подготовлявшихся по указке Троцкого, Зиновьева и Каменева против руководителей страны и партии, и клеймят позором и презрением предателей.

Вся страна, как один человек, об'единена вокруг партии и горячо любимого Сталина. Террористические попытки фашистских наймитов — это гнусный вызов всей стране. Мы отвечаем на него еще большей бдительностью, горячей любовью и преданностью партии и правительству, еще большим энтузиазмом в нашей работе.

Руки прочь от руководителей партии и правительства! Пусть изменники понесут беспощадную кару народного суда! Крепче беречь жизнь и здоровье нашего родного гениального Сталина!

Академики БАЙКОВ, СКОЧИНСКИЙ, КОНСТАНТИНОВ.

Заслуженные деятели науки ЛУРИЯ, СПАСОКУКОЦКИЙ, ЛЕПСКИЙ, МЫШ и др.

(Сочи. Передано по телеграфу).

—o—

СУД ПОДТВЕРЖДАЕТ ВСЮ НИЗОСТЬ ПРЕДАТЕЛЕЙ

Борьба двух миров все обостряется. Фашизм стремится к всемирной диктатуре. Ради нее он устраивает массовое уничтожение людей в Испании, Абиссинии и других странах—прелюдию к новой кровавой бойне.

Но основная мечта фашизма—уничтожить государство трудящихся, построенное под руководством Сталина.

Бессильный в открытой борьбе, фашизм действует через шпионов, диверсантов, через двурушников—троцкистов и зиновьевцев и прочих предателей трудящихся.

Гласный, открытый суд покажет миру, как прав был товарищ Сталин, предсказывая эту тактику врагов социализма; весь мир увидит, как низко пали эти люди—агенты врагов трудящихся всего мира, в бессильной злобе организующие убийства из-за угла тех, чье руководство обеспечило трудящимся СССР победу.

Для работников науки, как и для всех трудящихся, может быть один ответ: закоренелых врагов трудящихся и предателей сурово карать. Всем трудящимся теснее сплотиться вокруг знамени Сталина!

Академики: А. СОКОЛОВСКИЙ, Б. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ.

Харьков.

—o—

ЗЛЕЙШИЕ ВРАГИ СОЦИАЛИЗМА

МУРМАНСК, 20 августа. (Корр. «Правды»). На всех предприятиях Мурманска и Кировска, в торговом и рыбном портах состоялись собрания. В своих решениях тысячи трудящихся Заполярья требуют от пролетарского суда применить к злейшим врагам социализма—троцкистско-зиновьевской банде самые суровые меры наказания.

Рабочие вагоноремонтного завода им. Войтовича (Москва) слушают сообщение о террористической деятельности троцкистско-зиновьевской банды.

Фото М. Озерского.

Стереть с лица земли!

ПИСЬМО СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Пуля врагов народа метила в Сталина. Верный страж социализма—НКВД схватил покушавшихся за руку. Сегодня они—перед судом страны.

Пуля, метившая в Сталина, метила в наши сердца. Она должна была пройти миллионы сердец, ибо Сталин есть общее достояние наше, наша слава и наша честь.

Высшие качества человека отныне навек определяются словами—Ленин и Сталин. В этих словах заложена вся красота и вся мощь человеческого духа, человеческой воли и мудрости. Поднять руку на великого продолжателя дела Ленина, на вождя народов Сталина — значит нанести удар всей стране, всем нашим победам, всем достижениям, видимым всему миру в зеркале бессмертной сталинской Конституции. Поднять руку на Сталина—значит нанести удар всем нам, выросшим и возмужавшим в стране социализма под его руководством. Поднять руку на Сталина значит нанести удар великой сталинской политике мира, удар всем тем, кто считает себя другом нашей страны.

Фашистские террористы метили в самое дорогое, что есть у всех честных людей человечества, — в Сталина. Убийство ими незабвенного друга трудящихся Кирова вызвало всенародное негодование. Враг увидел, что он причинил горе миллионам. Теперь он рассчитывал нанести еще более страшный удар и—просчитался.

Но кто же так нагло покушается на наши судьбы, на душу и мудрость наших народов—на Сталина? Агент фашистской охранки Фриц Давид. На что он способен? Из-за угла убить вождя человечества, чтобы открыть дорогу к власти диверсанту-террористу Троцкому, диверсантам-террористам, лжецам Зиновьеву, Каменеву и их подручным.

Наш суд покажет всему миру, через какие смрадные щели просовывалось жало гестапо, этого услужливого покровителя троцкизма. Троцкизм сделался понятием однозначным подлости и низкому предательству. Троцкисты стали истинными служителями черного фашизма.

Когда социалистическая страна наша посылает своих сынов за рубеж, она знает, что посылает героев. Люди нашей страны ходили спасать гибнущий экипаж «Италии», разыскивать пропавших американских летчиков, тушили пожары на пылающих в океане иностранных кораблях, подбирали умирающих мореплавателей. Люди нашей страны, дети Сталина, приходили в капиталистические страны бороться за мир вместе со всеми честными людьми этих стран. Они знакомили зарубежного зрителя с радостным искусством наших народов. Когда же один из сыновей нашей родины попал в лапы палачей фашизма,— он стал Димитровым.

Вот кого из сталинского поколения видели у себя люди за рубежом. Пусть теперь увидит мир фашистских посланцев в страну социализма.

Это его «лучшие», «передовые» люди, «отборная гвардия».

История справедлива. Она отдает социализму лучшие человеческие силы, создавая гениев и народных вождей. Фашизму история оставляет самые низкие отбросы, подобных которым не знал мир.

Против этого отребья страна наша выходит шеренгою бойцов, для которых нет ничего более священного и более личного, чем Сталин. Сталин есть гениальное качество нашей страны и образ нашего характера. Он бессмертен.

Гнев народа поднялся великим шквалом. Страна наша полна презрения к подлецам.

Старый мир собирает последние свои резервы, черпая их среди последних предателей и провокаторов мира.

Мы обращаемся с требованием к суду во имя блага человечества применить к врагам народа высшую меру социальной защиты.

По поручению президиума правления Союза советских писателей:

В. Ставский, К. Федин, П. Павленко, Вс. Вишневский, В. Киршон, А. Афиногенов, Б. Пастернак, Л. Сейфуллина, И. Жига, Кирпотин В., Зазубрин, Погодин, Бахметьев, Караваева, Панферов, Леонов.

Гнев колхозников

ВИННИЦА, 20 августа. (Корр. «Правды»). Ранним утром собрались на усадьбе колхоза имени Постышева в селе Мыхнов, Изяславского района, Винницкой области, 700 колхозников, чтобы заслушать сообщение о судебном процессе над презренными врагами народа — фашистскими шпионами—троцкистско-зиновьевской бандой.

Колхозник Иван Ткачук говорит:

— Нет слов, чтобы выразить негодование, когда думаешь о подлой работе мерзавцев, замышлявших покушение на любимых вождей народа, на великого организатора наших побед, нашей счастливой колхозной жизни, товарища Сталина.

Колхозник Кузьма Максимчук добавляет:

— Мы строим прекрасную страну социализма, мы врагов разбили. Но презренные недобитки протягивают грязные руки, чтобы подорвать могущество нашей великой социалистической страны. Только бдительность со стороны всех трудящихся поможет нам распознать и уничтожить притаившихся гнусных бандитов. Никакой пощады разоблаченным изменникам нашей родины!..

Колхозница Белявская добавляет к этим речам:

— Охрана наших вождей, охрана нашей родины — наш священный долг. Наша сила в успешном строительстве социализма и в нашем единстве.

Тут же на собрании колхозницы 12 звеньев обязались в ответ на гнусную, предательскую работу Троцкого, Зиновьева, Каменева бороться в будущем году за урожай свеклы в тысячу центнеров с гектара. Колхозницы остальных 19 звеньев в колхозе обязались дать в будущем году 500 и больше центнеров сахарной свеклы с гектара.

—o—

СТАЛИН — ЭТО ВСЕ МЫ

КИЕВ, 20 августа. (Корр. «Правды»). Обвинительное заключение и начало судебного процесса произвели на киевских предприятиях буквально ошеломляющее впечатление.

В большом дворе завода «Ленинская кузница» поставили грузовик. Возле него—плакат, приглашающий рабочих на митинг «По вопросу обвинительного заключения по делу агентов фашизма Троцкого, Зиновьева, Каменева, Евдокимова и других». Никто не ушел с завода. Тесным кольцом сгрудились рабочие вокруг грузовика—импровизированной трибуны.

— Товарищи!—страстно говорит мастер котельного цеха Иващенко.—Все, кому дороги наши мощные заводы, наши фабрики, наши цветущие колхозные поля, все, кому дорог Сталин, — те с ужасом думают о том, что могло бы произойти, если бы не бдительность наших славных чекистов. На кого поднимали руку агенты фашизма? На нас, ибо Сталин — это мы, все сталинские люди советской страны! Сталин — это наши прекрасные заводы и плодородные колхозные поля! Сталин — это героическая борьба против фашизма! Сталин — это счастье трудового человечества! Как же трудящиеся нашей страны могут отнестись к негодяям-террористам?

Наше требование — расстрелять негодяев!

ПРЕДАТЕЛИ!

ГОРЬКИЙ, 20 августа. (Корр. «Правды»). Со всех концов края непрерывным потоком идут горячие отклики рабочих, колхозников, трудящихся. В этих откликах ненависть к главарям контрреволюционного охвостья—Зиновьеву, Каменеву и другим предателям, сомкнувшимся с иудой-Троцким.

В этих откликах новая, неизмеримая волна любви и преданности к великому вождю большевистской партии и советского народа—товарищу Сталину, призыв к удесятеренной бдительности и усилению охраны руководителей партии и советского государства.

Рабочий завода им. Жданова (город Павлово-на-Оке) тов. Бессережнов так закончил свою речь:

— Мой отец и моя мать—рабочие—всю жизнь жили в нищете, темноте и кабале. Только партия и советская власть избавили нас от эксплоатации. Только сейчас увидели мы счастливую, радостную жизнь. Этим все рабочие обязаны партии, товарищу Сталину. Как же нам не любить их, не любить нашего отца—Сталина, нашу страну!

Рабочий завода им. Калинина в городе Богородске тов. Куржов заявил:

— Нет слов, чтобы выразить чувство глубочайшей ненависти и презрения к контрреволюционным выродкам, замыслившим посягнуть на жизнь великого Сталина и его соратников.

— Я 45 лет работаю на производстве, знал всю тяжесть капиталистической кабалы. От нее освободила нас партия Ленина—Сталина. Я живу действительно счастливой жизнью. И поэтому сильна моя ненависть к контрреволюционерам и бандитам—Троцкому, Зиновьеву, Каменеву, ко всей шайке гнусных террористов.

—o—

Зорко охраняйте вождей!

СТАЛИНАБАД, 20 августа. (Корр. «Правды»). В каждой строчке резолюций, в каждом слове—презрение, гнев, непримиримая ненависть к людям, имена которых произносятся с омерзением.

Резолюции поступают с предприятий и из учреждений Сталинабада, густым потоком идут телеграммы из районов, с колхозных собраний.

«Контрреволюционная банда старалась с оружием в руках подобраться к руководству партии, любимому вождю Сталину, обезглавить партию, добиться смятения и расстройства в ее рядах, открыть путь для нападения на диктатуру пролетариата», — говорят рабочие-железнодорожники Сталинабадского узла.

Рабочие экскаваторной станции пишут: «Троцкисты-зиновьевцы являются верными помощниками фашистов, стремящихся организовать мировую бойню, утопить революционные стремления масс в крови трудового народа».

Во всех резолюциях и выступлениях—горячие приветствия по адресу партии, вождя партии, по адресу зорких, бдительных чекистов. Призывом прозвучало заявление молодой таджички инженера Таировой:

— Больше бдительности, товарищи! Еще лучше, зорче охраняйте наших вождей!

Г. ПЯТАКОВ

БЕСПОЩАДНО УНИЧТОЖИТЬ ПРЕЗРЕННЫХ УБИЙЦ И ПРЕДАТЕЛЕЙ

Опубликованное обвинительное заключение с исчерпывающей полнотой дает картину преступной деятельности Каменева, Зиновьева, Смирнова и др. Когда знакомишься с деятельностью этой кучки людей — ничтожной количественно и качественно,—руководимой Троцким из-за границы и Каменевым с Зиновьевым здесь, охватывает не только чувство величайшего негодования и возмущения, но и чувство глубочайшего омерзения.

Теперь, после опубликования обвинительного акта, данные которого являются абсолютно об'ективными, можно считать установленным, что именно Троцкий, лично Троцкий является организатором подлых политических убийц в СССР, что именно Троцкий, используя своего сына в качестве помощника и прикрываясь им, организовал подлое убийство великого сына нашей родины тов. Кирова. Заявление Троцкого в норвежской газете насчет необоснованности обвинений против него является актом беспримерной наглости и лживости опустившегося на дно авантюриста, старающегося обмануть общественное мнение.

После чистого, свежего воздуха, которым дышит наша прекрасная, цветущая социалистическая страна, вдруг потянуло отвратительным смрадом из этой политической мертвецкой. Люди, которые уже давно стали политическими трупами, разлагаясь и догнивая, отравляют воздух вокруг себя. Но именно в последней стадии догнивания они стали не только мерзкими, но и социально опасными.

Потерявшая всякую честь, всякий человеческий облик группка убийц, убийц бесчестных и беспринципных, покусилась на самое дорогое—на жизнь наших вождей. Горячо любимый, пламенный трибун, честнейший из честных людей, молодой и кипучий тов. Киров пал от руки этих злодеев. Кровь стынет от этих злодеяний.

Вся огромная наша, прекрасная страна, вся наша боевая партия, партия Ленина—Сталина идет вперед, тесно сомкнувшись вокруг своих любимейших вождей и Сталина в первую очередь. Наша горячая любовь окружает наших вождей. Каждый из нас гордится тем, что страна диктатуры пролетариата, страна социализма имеет таких вождей. Трудящиеся всего мира знают и любят своего Сталина и гордятся им. Под руководством наших вождей—страна идет от победы к победе. И вот именно потому, что вожди ведут нас по правильному пути, именно потому, что в свое время партия наша во главе с товарищем Сталиным правильно на-голову разгромила контрреволюционный блок Троцкого—Зиновьева—Каменева, именно потому, что страна процветает, а не идет к гибели, как это десяток лет тому назад предсказывала оппозиция, именно потому, что исторически Сталин прав, а они не правы, именно поэтому эти подлецы и негодяи сделали вывод о необходимости убийства наших вождей. Это — чудовищно, но это факт.

После того, как не удалось поколебать руководство попыткой сбить с толку и собрать себе под флагом разногласий сколько-нибудь значительное число сторонников в партии и оппозиция была сокрушительно разгромлена партией, руководимой Сталиным, вожди этой презренной оппозиции не сложили оружие, а продолжали атаку на наше руководство всеми возможными способами. И когда поступательным ходом истории была бита последняя подлая ставка их, ставка на хозяйственные затруднения, и страна наша под блестящим руководством ЦК и товарища Сталина в первую голову на всех парах пошла на невиданный под'ем, эти негодяи решились на самое подлое и преступное, что только можно придумать,—решились сыграть на дезорганизации руководства путем физического убийства наших вождей.

Это — преступление, равного которому в истории нет. Речь человеческая не знает достаточно сильных слов, коими можно было бы действительно по достоинству заклеймить этих подлых убийц, убийц трусливых, убийц презренных, убийц из-за угла.

В 1925—1927 гг. товарищ Сталин, ЦК, вся наша партия разоблачили до конца контрреволюционную сущность основной позиции Троцкого—Зиновьева—Каменева, позиции, враждебной ленинизму, позиции, враждебной борьбе рабочего класса и его партии за социализм, позиции отрицания возможности построения социализма в одной стране. Разоблачение и разгром этой позиции уничтожили источник разложения и неверия в победоносное строительство социализма в нашей стране. Но характерно именно то, что и тогда не верность какой-либо системе взглядов толкала вождей оппозиции на борьбу, а в ходе борьбы стряпалась наскоро так называемая платформа для обоснования этой борьбы и вербования сторонников. И не удивительно, что, когда стряпалась т. н. «платформа оппозиции», очень легко достигались идейные компромиссы между Троцким и Зиновьевым. Не удивительно и то, что Зиновьев и Каменев, обосновывавшие до этого, что троцкизм есть система взглядов, враждебная ленинизму, очень легко об'явили после заключения блока с Троцким, что «троцкизм» был ими выдуман для борьбы с Троцким. Ведь существо дела и тогда заключалось прежде всего в попытке дезорганизовать руководство, руководство товарища Сталина. Беспринципность была характерна и для оппозиции 1925—1927 годов, хотя, конечно, исходные контрреволюционные взгляды и Троцкого, и Каменева, и Зиновьева, легшие в основу «платформы», не имели по существу ничего общего с линией Ленина, продолжателем и творцом которой в новых условиях был и остается товарищ Сталин. Дальнейшая логика борьбы превратила «платформу оппозиции» в знамя, вокруг которого стало собираться все враждебное партии и Советскому государству. И когда взгляды оппозиции, как вредные и гибельные для дела диктатуры пролетариата, для дела социализма, были разоблачены и разбиты, когда идейно победила единственно правильная, единственно победоносная линия—линия партии, линия нашего великого Сталина, тогда тем из оппозиции, которые запутались в принципиальных вопросах о путях дальнейшего развития пролетарской революции, оставалось со стыдом признаться, что ими допущена тяжелая ошибка в коренных вопросах развития нашей революции, и дальнейшей своей жизнью и работой на любом участке на деле помогать партии в полной мере своих сил и уменья строить социализм.

Но эти честолюбцы поступили иначе. Для них дело не во взглядах. Для них суть дела заключается в том, что они сами считают себя вождями и что им предопределено свыше руководить нашей партией и нашим государством. Пусть с полной отчетливостью обнаружилось, что они для этого не пригодны, пусть вся партия дружно и единогласно считает, что никакие они не вожди, зато они сами считают это каким-то недоразумением, ошибкой, они сами и несколько десятков их друзей считают, что именно они призваны руководить нашей партией. А значит, раз идейно разбиты — выбрось за борт идеи и какими угодно путями, путями, чуждыми нам, путями интриги и какой угодно подлости, пролезь к власти. Во имя чего? Во имя своего собственного желания и чудовищного честолюбия. Это глупо, но это—факт!

Ведь как раз тогда, когда «итоги пятилетки разбили тезис социал-демократов о том, что невозможно построить социализм в одной, отдельно взятой стране» (Сталин), как раз в 1932 году эти бандиты, вдохновляемые Троцким из-за границы, становятся на путь убийства наших вождей. Никаких идей, никаких политических убеждений, ничего решительно не могут они выдвинуть для об'яснения своих подлостей. Осталось одно голое, ничем не завуалированное, ничем не об'яснимое честолюбие и звериная ненависть к победоносной партии Ленина—Сталина и ее вождям. Эти люди никак не хотели понять, что они обанкротились полностью и целиком. Разбитые на-голову, сокрушительно морально-политически разбитые в открытом идейном бою, они встали на путь заговора, на путь интриги и в дальнейшем на путь прямого убийства.

При этом вся эта подлая контрреволюционная деятельность окутана невыносимыми, смрадными клубами лжи, двурушничества, обмана всех и каждого. Надо дойти до самых низин человеческого падения, надо пасть ниже Азефа и Малиновского, чтобы создать эту отвратительную систему непрерывной чудовищной лжи и провокации.

Мне нестерпимо стыдно вспомнить о том, что и я в 1925—1927 годах шел вместе с этими бандитами. Я ошибался, ошибался тяжело. Вину свою за тогдашние свои тягчайшие политические ошибки я нисколько не преуменьшаю и до сих пор остро сознаю. Но я имел какие-то, хотя и ложные, политические убеждения, мне казалось, что не я сбился с правильного пути, а партийное руководство. Я был виноват в том, что не понял партийное руководство, не понял правильный путь развития социализма, сбился на ложный путь, путь действительной гибели, путь контрреволюционного троцкизма. И когда я понял, что мой путь—это путь врага партии, я сошел с него резко и бесповоротно и с ощущением огромной радости пошел по новому, правильному пути, по пути Сталина, по которому с тех пор твердо и радостно иду вместе со всей партией.

Но эти люди не могут об'яснить свои преступления даже какими-либо разногласиями. У этих людей нет никаких убеждений, никаких, даже ошибочных, взглядов, которые они защищают, во имя которых творили они свое мерзкое дело. Есть голое интриганство, имеющее целью как-то, какими угодно путями пробраться к власти. Во имя чего? Во имя голого, ничем не прикрытого даже честолюбия. Никто этих людей не признает, никакой линии у них нет, никакой хотя бы тени основания претендовать на руководство нет, а есть смехотворное, честолюбивое желание как-нибудь пролезть к власти. А раз нет взглядов, то нет и политической борьбы, остается один голый политический бандитизм, легко превратившийся далее в сплошную уголовщину. Беспредельное тщеславие и самовлюбленность, соединенные с полным банкротством политических взглядов и бешеной злобой против всего лучшего, что у нас есть, привели их на гнусный путь двурушничества, лжи, провокации, неслыханного обмана партии, страны и всех людей, с кем они соприкасались, для того, чтобы под покровом всей этой неслыханной еще никогда мерзости творить свое черное дело, дело убийства наших вождей.

Нисколько не удивительно поэтому, что в этом черном деле они пошли рука об руку с белогвардейцами, фашистами и агентурой иностранных враждебных государств. Это только еще и еще раз подчеркивает, что фактически они стали агентурой фашизма в его борьбе против рабочего класса и всех трудящихся.

Презренные убийцы, лжецы, изменники и предатели не остановились даже перед тем, чтобы спекулировать на военной опасности, подготовляя дезорганизацию обороны. Конечно, это просто глупо. Горстка людей в состоянии убить отдельного человека, но не может дезорганизовать оборону. Ведь все население нашей страны, вся партия, прекрасная наша Красная Армия в случае необходимости поднимутся дружно, сплоченно, все, как один, на защиту родины и дадут сокрушительный отпор каждому, кто на нас полезет. Гнусная, интриганская пораженческая возня этой ничтожной группки изменников, не имеющей никакой почвы под ногами, не смогла бы внести ни малейшего замешательства в наши сплоченные ряды. Но характерно именно для понимания той беспредельной подлости и гнусности, которые ядовитым цветком распустились на этих гниющих политических мертвецах, что, преследуя исключительно свои честолюбивые интриганские цели, им было наплевать даже на оборону страны.

Вдохновителем и руководителем всей этой чудовищной мерзости, всех этих преступлений и подлостей является Троцкий. Ненависть к партии, ненависть к стране социализма, ненависть к ее вождям, ненависть тем большая, чем лучше и радостнее становится жить, беспредельная злоба к стране Советов и самовлюбленность, безграничное себялюбие толкают Троцкого на любое преступление, на сотрудничество с любым врагом Советского Союза. Отвратительное политическое лицо этого предателя, лжеца и убийцы видно с полной отчетливостью.

Нехватает слов, чтобы полностью выразить свое негодование и омерзение. Это люди, потерявшие последние черты человеческого облика. Их надо уничтожать, уничтожать как падаль, заражающую чистый, бодрый воздух советской страны, падаль опасную, могущую причинить смерть нашим вождям и уже причинившую смерть одному из самых лучших людей нашей страны — такому чудесному товарищу и руководителю, как С. М. Киров.

Но все мы должны из этого сделать для себя еще один вывод.

Товарищ Сталин, как всегда, прозорливо учил нас не терять революционной бдительности, не успокаиваться, не забывать, что классовый враг продолжает и будет продолжать всякими доступными ему средствами пытаться нанести какой-либо вред диктатуре пролетариата. Воодушевленные успехами, не все мы на деле осуществляли эти указания, успокаивались при виде блестящего расцвета социалистической страны, не замечали, что классовый враг в непосредственной близости творит свое мерзкое дело. Враг наш в стране побеждающего социализма увертлив. Он приспосабливается к обстановке. Притворяется. Лжет. Заметает свои следы. Втирается в доверие. Это—не массовый враг, которого легко можно разглядеть. Это—агентура, стремящаяся проникнуть в наши ряды и наносить свои подлые удары исподтишка. Многие из нас, и я в том числе, своим ротозейством, благодушием, невнимательным отношением к окружающим, сами того не замечая, облегчали этим бандитам делать свое черное дело.

Хорошо, что органы НКВД разоблачили эту банду. Хорошо, что ее можно уничтожить. Честь и слава работникам НКВД. Но нельзя на этом успокаиваться. Надо крепко подтянуться, еще строже относиться к себе, к своему окружению и на работе и особенно в так называемой «частной жизни».

Классовый враг будет продолжать плести свои гнусные козни в надежде как-нибудь повредить пролетарскому государству, нашей партии, победоносной стране диктатуры пролетариата. В этих попытках основной мишенью будут наши руководители, наши любимейшие вожди. Поэтому каждый из нас должен еще больше повысить свою бдительность, еще зорче вглядываться в свое окружение, чтобы помочь партии, помочь НКВД, этому разящему мечу в руках диктатуры пролетариата, разоблачать агентуру классового врага и во-время уничтожать ее.

ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ

ПОЩАДЫ НЕТ!

Вот все они, как щуки на мели,
Как мухи, влипнувшие в тесто.
Они подлейшую политику вели
И, наконец-то, обрели
За подлости свои заслуженное место.
Ужели друга нет у них ни одного?

Ужели жалости к ним нет ни у кого?
Есть друг: у Гимлера сегодня в сердце ранка,
И жалости полна фашистская охранка!

Фашисты... Гимлер... Каково?!
Невероятное вдруг стало явным фактом,
Запротоколенным, судебно-четким актом:
Изменники родной Советской стороны,
Псевдопартийные предатели, лгуны,
Всех вражеских контор усердные клиенты,
Подпольные враги, фашистские агенты,
Убийцы Кирова...
Вот Киров кем убит!
Вот где застрельщики ужаснейшего дела!
Пусть вся страна, пусть вождь, пусть партия скорбит

Средь флагов траурных у дорогого тела
Сраженного бойца,— лихие эти псы
Вот в эти самые прощальные часы,
Когда мы почести герою отдавали,
Они, смеясь в кулак и хмыкая в усы,
За нашею спиной преступно ликовали,
Иль, может быть, тайком собравшись в свой притон,
Среди закусок и бутылок,
Надеясь на стенной бетон,
Смеялися:— «Ха-ха, а ловко это он
Угробил Кирова!» — «В затылок!»
— «Звук выстрела, короткий стон
И — крышка!»
— «Пей, Лёвка, за успех!» — «За наше дело, Гришка!»
— За первый, «кировский», бутон.

День будет для меня и светел и хрустален,
Когда разоблачать уж нас не сможет Сталин».
На Сталина убийц вели!
Не удалось дойти к нему бандитским рожам.

МЫ СТАЛИНА УБЕРЕГЛИ.
НЕ УБЕРЕЧЬ ЕГО — НЕ МОЖЕМ!
МЫ БЕРЕЖЕМ ЕГО, КАК ГОЛОВУ СВОЮ,
КАК СЕРДЦЕ СОБСТВЕННОЕ НАШЕ!

Поймали мы змею, и не одну змею.
Зиновьев! Каменев! На первую скамью!
Вам первым честь — припасть губами к смертной чаше!
Нет больше веры вам. Для нас уж вы мертвы,
Убивши Кирова, кого убили вы?
Иль Киров был не пролетарий?
Иль большевик он не был боевой?
Иль не был он оратор огневой,
Громивший всех ползучих тварей,
Линючих тварей, облик свой
Менявших чуть не ежедневно?
Не он ли пламенно и гневно,
Рисуя гнусность ваших дел,
Предрек вам нынешний удел,
Удел неслыханно-позорный?
Где Троцкий? Без него ваш ядовито-сорный,
Ваш обреченный куст
Не полон, пуст, —
Но пролетарский гнев презренного Иуду
Настигнет всюду,
Тот гнев, который — если б вас
На площадь выпустить кто выдал полномочья —
Вас всех до одного в единый миг, не в час,
В мельчайшие разнес бы клочья!!

И ПРОЛЕТАРСКИЙ ГНЕВ НАРОДНЫЙ СУД УЧТЕТ:
ОН, РАСЧИЩАЯ ПУТЬ НАРОДУ-ИСПОЛИНУ,
ВАС С ЭТОГО ПУТИ ВСЕХ НАЧИСТО СМЕТЕТ,
ЧТОБ НЕ ОСТАЛОСЬ И ПОМИНУ!!

В ЗАЛЕ СУДА

Жажда власти, стремление любой ценой прорваться к власти — вот что двигало всеми помыслами и действиями сволочи, сидящей сейчас на скамье подсудимых. Этого не может и уже не пытается отрицать никто из них. Не отрицают этого и главари шайки, вчера допрошенные Каменев и Зиновьев. Масс за нами не было, вынужден признать Каменев, платформы у нас также никакой не было, не было и перспектив. Припираемые уликами в руках прокурора, признают Каменев и Зиновьев и показывают суду чудовищный по замыслу, по обилию и гнусности преступлений, совершонных и затеянных, чудовищный путь к власти, ими избранный.

И Каменев, и Зиновьев не стесняются сами назвать свой план чудовищным. Да и какое может быть стеснение у этих выродков! Спокойно, без тени смущения показывает суду Каменев, что все покаянные речи и письма его и Зиновьева, все бесчисленные заявления, какие они делали на протяжении многих лет, — все это было предусмотрено ими, как часть террористического плана, плана овладения властью.

Ничем не брезгать для достижения цели: ни пулей или ядом, ни клеветой и двурушничеством, ни угрозой или лаской, ни убийством кого бы то ни было — такова была «моральная основа» плана. И когда тов. Вышинский спрашивает гадину Каменева, как назвать их тактику:

— Обман? — Хуже этого, — отвечает Каменев.

— Вероломство? — Хуже этого, — повторяет Каменев.

— Измена? — Да, — отвечает Каменев,— ибо хуже название трудно придумать.

Зиновьев также говорит об этом дьявольском плане и тоже не может даже найти слово, которое бы выразило всю полноту, низость преступлений троцкистско-зиновьевской банды.

И все же они — и Каменев и Зиновьев—рассказывают не обо всем. Последователи иезуитов, они превзошли своих учителей по степени подлости. Они не только хотели убить тт. Сталина, Ворошилова, Кагановича и других руководителей большевистской партии. Их дьявольский план предусматривал уничтожение, убийство собственных агентов-террористов, которые могли бы когда-нибудь выступить как свидетели чудовищных преступлений главарей банды. Об этом довольно ясно рассказал суду подсудимый Рейнгольд.

Непременной частью плана троцкистско-зиновьевской шайки было: когда они, как надеялись, прорвутся путем убийств к власти, посадить Бакаева председателем ОГПУ со специальной миссией—уничтожить всех исполнителей террористических приказов Троцкого, Зиновьева и Каменева.

Зиновьев и Каменев, как черти на сковороде, вертятся, чтобы ускользнуть от этого неприятного пункта. Но факты неопровержимы. И, ужом вертясь, сквозь зубы цедит Зиновьев, что действительно пост председателя ОГПУ намечался Бакаеву и что Бакаев, «заполучив этот пост, мог бы очень много помочь сокрытию наших преступлений».

Этого мало. Они не только затевали убийство своих агентов, а уже осуществили по меньшей мере одно такое убийство. Когда зиновьевец-террорист Богдан, один из ближайших личных друзей Зиновьева, заколебался, не сумел осуществить приказа троцкистско-зиновьевского центра о покушении на товарища Сталина,—тогда эта банда убила Богдана.

Подсудимые Рейнгольд и Пикель показывают суду, как было дело. Целую ночь просидел Бакаев у Богдана и поставил перед ним дилемму: убить Сталина или покончить самоубийством. Если же Богдан не примет ни одного из этих решений, тогда, заявил ему Бакаев, мы уничтожим тебя. Так Богдан «покончил самоубийством».

Перед этими фактами, которых не могут оспорить подсудимые, бледнеет все, что знает история провокаций и убийств. Один только аналогичный факт знает история: уничтожение германскими фашистами своих агентов — поджигателей рейхстага. Что ж, близкое родство фашизма с троцкистско-зиновьевской сворой проявилось и здесь.

Даже на смерти Богдана хотела нажить политический капитал троцкистско-зиновьевская сволочь, принудив Богдана оставить записку, где привести, как мотив самоубийства, чистку партии. Впрочем, свора эта заботилась не только о капитале политическом, но и о более прозаическом—денежном. Красноречие подсудимых увядает, когда речь заходит о совершонном ими воровстве государственных, советских денег. Банда террористов была, по совместительству, и бандой казнокрадов. Рейнгольду и Аркусу поручили они совершить кражу государственных средств. Рейнгольд сообщает об этом суду без всяких обиняков. Но Каменев и Зиновьев вначале мнутся, не признают. Им не охота разоблачаться до конца, не охота предстать тем, чем они были и являются, — уголовной шайкой. Каменев и Зиновьев мнутся, но факты — упрямая вещь, и, нехотя, признают они, что действительно хотели создать валютный денежный фонд.

— Из каких же средств вы думали создать этот фонд?—спрашивает тов. Вышинский.

— У нас были намечены средства,— уклончиво отвечает Каменев.

— Вы обратились за помощью к Рейнгольду?

— Нет, не за помощью, а просто с поручением к Рейнгольду и Аркусу, который был заместителем председателя Госбанка.

И дальше раскрывается на суде весь план воровства: участники банды—Евдокимов и Федоров, как руководители хозяйственных организаций, связанных с Госбанком, должны были по фальшивым документам, которые фабрикует член шайки Аркус в Госбанке, украсть несколько десятков тысяч рублей. Воровская махинация эта удалась, и деньги действительно были украдены у государства зиновьевской шайкой.

Шаг за шагом срываются все покровы с лица троцкистско-зиновьевских бандитов, и голенькими, отвратительными в наготе своей, предстают они перед советским судом. Еще пытаются позировать некоторые из подсудимых—Каменев, Зиновьев, Смирнов, ибо искусство позировать входит в их арсенал, как непременное тактическое оружие. Но с наигранных пафосных высот каждый раз факты сбрасывают их в глубочайшую помойную яму изощренной подлости и самого простого воровства. И под конец его допроса вынужден сказать Зиновьев о себе и о своих троцкистских собратьях, что они стали фашистами, хотя и тут с оговоркой: мол, без пяти минут фашистами...

«Пять минут» эти давно уже пройдены троцкистско-зиновьевской шайкой. Главный представитель Троцкого в об'единенном троцкистско-зиновьевском террористическом центре Смирнов еще пытается увильнуть сам и выгородить своего главаря Троцкого от всей полноты ответственности перед советским народом за фашистскую деятельность центра. Но показания его ближайших соратников — Мрачковского, Тер-Ваганяна, Дрейцера и др. уличают и Смирнова и его хозяина Троцкого в том, что вся деятельность центра проходила по прямым директивам Троцкого. Они уличают Троцкого в неисчислимых по количеству и неслыханных по подлости фашистских преступлениях перед Советским Союзом, перед всем мировым пролетариатом. И Зиновьев, отнюдь не страдающий скромностью, заявил вчера, что во весь период контрреволюционной деятельности «мы оставались филиалом троцкизма внутри СССР» и «пили из троцкистского колодца».

Убийцы-Троцкого нет в зале суда. Но на скамье подсудимых, где сидит сейчас вся его банда,—Троцкому принадлежит первое место. Его имя фигурирует в показаниях всякий раз, когда речь идет о прямых связях с фашистскими охранками. Его имя фигурирует всякий раз, когда речь идет о директивах центру по ускорению и ожесточению террора против вождей коммунизма. И как ни ратует за своего хозяина его верный пес Смирнов, как ни виляет он, нарочито часами в показаниях своих путает и лжет за десятерых, но и он не может скрыть того факта, что Троцкий руководил «центром», что он давал директивы о терроре, об убийстве Сталина и Ворошилова и перебрасывал в СССР своих агентов—агентов фашистской охранки.

Это становится абсолютно ясным, когда Военной коллегии Верховного суда СССР начинают давать показания сами эти люди—агенты Троцкого и Гестапо одновременно. Первым из них с нескрываемым цинизмом дает показания троцкист-охранник Ольберг, переброшенный германской охранкой в СССР по паспорту «гражданина республики Гондурас»—достойный друг и соратник Троцкого и всей банды, разделяющей с Ольбергом сейчас скамью подсудимых в ожидании сурового приговора.

Л. РОВИНСКИЙ.

ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА В. ЧКАЛОВ В ГОРЬКОМ

ГОРЬКИЙ, 20 августа. (Корр. «Правды»). Герой Советского Союза В. П. Чкалов сегодня прибыл в Горький. На вокзале его встретил секретарь краевого комитета ВКП(б) тов. Буров и представители других краевых организаций.

Выполняя обещание, данное старым товарищам по работе, Чкалов приехал на завод «Двигатель революции». 2.000 рабочих, собравшихся у трибуны на заводском дворе, встретили славного земляка—командира «АНТ-25» — приветственными возгласами и криками «ура». Чкалов выступил с ярким рассказом об историческом перелете Москва — Николаевск-на-Амуре.

— Великий Сталин тепло напутствовал нас перед отлетом,—сказал Чкалов,—и мы, подкрепленные заботой вождя, летели только вперед к цели, указанной нам товарищем Сталиным.

Речь Чкалова покрывается бурной долго не смолкающей овацией в честь вождя народов товарища Сталина.

Завтра утром Герой Советского Союза уезжает на родину—в село Василево на Волге, где живет его мать.

КЛИМАНОВ ПОБИЛ РЕКОРД КАНАРЕЙКИНА

КАЛИНИН, 20 августа. (Корр. «Правды»). Бригада мастера торфяного производства торфопредприятия «Васильевский мох» Федора Семеновича Климанова 15 августа закончила выполнение второй сезонной программы.

16 августа бригада в условиях неблагоприятной погоды сумела выработать 155.330 кирпичей торфа, дав 401 проц. дневного задания. Этим самым Климанов побил всесоюзный рекорд Канарейкина, добывшего в смену 152 тысячи кирпичей.

ВОЕННО-ФАШИСТСКИЙ МЯТЕЖ В ИСПАНИИ

НЕУДАЧИ МЯТЕЖНИКОВ НА ФРОНТАХ ИРУНА И ГВАДАРРАМЫ

ПАРИЖ, 20 августа. (ТАСС). Агентства Гавас и Фурнье сообщают, что мятежники, наступавшие вчера на Ирун, понесли тяжелое поражение. Начав наступление вчера утром, при поддержке авиации, они продвинулись было к городу; но затем, встреченные огнем фортов, они вынуждены были в беспорядке отступить. В операциях участвовала правительственная канонерка, стоявшая на якоре на реке Бедассо в Фуэнтерабия. С фланга мятежники подверглись атаке республиканского отряда, подоспевшего из Бильбао. Как указывает «Эвр», Ирун защищают 9 тысяч республиканцев.

Под Сан-Себастьяном без перемен. Авиация мятежников бомбардировала госпиталь Красного Креста в Сан-Себастьяне.

На фронте Гвадаррамы колонна республиканцев, находящаяся под командой полковника Мангада, разбила мятежников у Навальпераль. Командующий отрядом мятежников генерал Альварес ранен. Мятежники отступают, преследуемые республиканскими войсками, потеряв 500 человек убитыми. Захвачено много пленных и 6 орудий.

По дополнительным данным, на сторону правительственных войск на фронте Гвадаррама перешел отряд мятежников в составе 500 кавалеристов.

На фронте Сарагоссы отряды народной милиции находятся в 8 километрах от Уэски и закрепляют свои позиции в Бельчите. Правительственные самолеты бомбардировали Вальверде, Теруэль и разрушили железнодорожный путь у Сарагоссы. В руки правительственных войск попал воинский поезд мятежников.

На западе правительственные войска заняли позиции, господствующие над дорогой, которая ведет к горному проходу Леон. Правительственная артиллерия бомбардировала передовые позиции мятежников у прохода Леон.

РИМ, 19 августа. (ТАСС). Наряду с ежедневным восхвалением итальянской печатью испанских фашистских мятежников и расписыванием их успехов характерно следующее признание специального корреспондента газеты «Гадзетта дель пополо»:

«В действительности войска Франко занимают в Андалузии только треугольник — Севилья — Кадикс — Алжесирас, а вся остальная Андалузия представляет очень тревожный район, где нельзя быть ни в чем уверенным. Горы к северу от Алжесираса находятся в руках правительственных отрядов, постоянно угрожающих перервать пути сообщения. Бороться приходится за каждую деревню».

Инцидент с германским пароходом «Камерун»

(По телефону от берлинского корреспондента «Правды»)

БЕРЛИН, 20 августа. В Гибралтарском проливе произошел инцидент с германским пароходом «Камерун». Инцидент этот возник вследствие того, что германский пароход, который официально направлялся в Геную, пытался зайти в Кадикс и тем самым нарушить блокаду, об'явленную испанским правительством по отношению ко всем пунктам испанского побережья, находящегося в руках мятежников. «Камерун», видимо, не обращая внимания на сигналы с испанских военных кораблей, продолжал свой путь и был остановлен испанской подводной лодкой и крейсером «Либертад» примерно в 12 километрах от испанского берега. На пароходе был произведен обыск, после чего пароходу было разрешено продолжать путь, но с условием изменения курса. Вход в Кадикс был пароходу запрещен.

Германское правительство поручило своему поверенному в делах в Мадриде сделать испанскому правительству резкое представление и заявить, что «германское правительство возлагает на испанское правительство ответственность за последствия, которые могут произойти в случае повторения подобных инцидентов». По последним сообщениям, германский поверенный в делах уже заявил испанскому правительству протест.

Характерно, что германскому поверенному в делах было поручено также «поставить испанское правительство в известность, что германские военные корабли получили приказ защищать всеми средствами германские суда от подобных, противоречащих международному праву, нападений вне зоны испанского суверенитета».

Германская печать раздувает всячески инцидент, используя его для недвусмысленных угроз по адресу испанского правительства. «Мадридскому правительству должно быть ясно, — пишет «Франкфуртер цейтунг», — что Германия не примирится с подобным произволом». «Германия, — пишет «Фелькишер беобахтер»,— считает положение чрезвычайно серьезным. Германия не делает секрета из того, что она зорко следит за развитием испанской смуты и готова ответить необходимыми средствами на всякое новое правонарушение со стороны красных орд».

Газеты намекают, что Германия использует инцидент для срыва переговоров о невмешательстве в испанские дела.

Н. Гофман.

УГРОЗА ПРЯМОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ

(По телефону от лондонского корреспондента «Правды»)

ЛОНДОН, 20 августа. В Лондоне с большим вниманием относятся к инциденту, происшедшему с германским пароходом «Камерун».

Как известно из официального сообщения, германское правительство отдало приказ, чтобы военные корабли сопровождали германские пароходы, следующие в Испанию. Командирам кораблей поручено применять силу для того, чтобы оказать защиту германским пароходам.

Таким образом, в результате решения германского правительства, создается опасность возникновения вооруженных столкновений между испанскими военными кораблями и германскими конвоирами.

В сегодняшнем номере «Ньюс кроникл» напечатана большая статья Нормана Клайфа, который заявляет:

«Имеется громадная опасность открытой и прямой интервенции фашистских правительств в пользу мятежников. Это почти наверняка могло бы привести к тому, что сначала Франция, а, возможно, и другие правительства были бы вынуждены притти на помощь испанскому правительству. Таким образом, создается вероятность международного пожара, результаты которого трудно и невозможно сейчас предсказать».

В местных лейбористских кругах положение, созданное активностью фашистских государств в Испании, также расценивается как очень серьезное. Вчера Идена посетила делегация руководства лейбористов в составе Артура Гринвуда (замещающего лидера лейбористской фракции в парламенте), Мидлтона (секретарь лейбористской партии), Ситрина (генеральный секретарь тред-юнионов) и Джилайса (секретарь иностранного отдела руководства лейбористской партии). Делегация заявила Идену, что все демократические элементы Англии не могут не быть задетыми тем фактом, что мятеж против конституционного правительства Испании все более и более открыто поддерживается Италией и Германией. Лейбористская делегация указала, что создавшееся положение может привести к весьма грозным последствиям.

Делегация имела продолжительный разговор с Иденом, содержание которого не приводится. «Дейли геральд» только заявляет, излагая, повидимому, суть ответа, данного Иденом, что все усилия в настоящее время должны быть приложены к тому, чтобы обеспечить заключение пакта о невмешательстве в испанские дела.

И. Ерухимович.

ФАШИСТСКИЙ ТЕРРОРИСТ В РЯСЕ

ПАРИЖ, 19 августа. (ТАСС). По сообщению из Мадрида, республиканскими властями арестован священник, пытавшийся вербовать преимущественно безработных для организации покушений на лиц, известных своими республиканскими убеждениями. Каждому из завербованных «святой отец» сулил поденную плату в 15 песет.

МЯТЕЖНИКИ БОМБАРДИРОВАЛИ АНГЛИЙСКИЙ ЭСМИНЕЦ

ЛОНДОН, 20 августа. (ТАСС). 17 августа близ Мелильи самолеты мятежников бомбардировали английский эсминец. Ни одна бомба не попала в эсминец.

Английские власти заявили протест против бомбардировки английского судна. Командование мятежников принесло извинение по этому поводу.

Движение солидарности с испанским народом

НЬЮ-ЙОРК, 19 августа. (ТАСС). В «Мадисон сквэр гарден» состоялся массовый митинг солидарности с испанским народом. В митинге приняли участие 15 тыс. человек. Было собрано 5.700 долларов в помощь испанскому народу.

По сообщению газеты «Нью-Йорк таймс» из Торонто (Канада), там состоялся митинг солидарности с испанским народом. На митинге присутствовали 5 тыс. человек; было собрано 1.000 долларов в фонд помощи испанскому народу.

ПАРИЖ, 19 августа. (ТАСС). Митинги солидарности с испанским народом происходят по всей Франции. В Бордо был организован митинг, на котором присутствовали 10 тыс. человек. На митинге выступил Андрэ Марти. В Мата (департамент Шарант Энферьер) состоялся митинг с участием 10 тыс. человек. В Баньоле (департамент Сены) на митинге присутствовали 4 тыс. человек.

ПАРИЖ, 20 августа. (ТАСС). По сообщению «Пти паризьен», пароход «Бель Иль», экипаж которого, подозревая, что судно везет оружие испанским мятежникам, отказался выйти из Гавра, вчера поздно вечером снялся с якоря. Пароход отправился лишь после того, как генеральный секретарь об'единения местного профсоюза моряков установил, что имеющийся на судне груз оружия не предназначается испанским мятежникам, а направляется в Аргентину.

ЛОНДОН, 20 августа. (ТАСС). В последнее время в фонд помощи испанским рабочим поступили крупные пожертвования, в том числе 1.000 фунтов стерлингов от союза транспортных рабочих и 450 фунтов стерлингов от лондонских наборщиков. До сих пор было израсходовано Амстердамским и II Интернационалами из фонда помощи испанскому народу 4.000 фунтов стерлингов.

СТОКГОЛЬМ, 19 августа. (ТАСС). В Стокгольме проведены митинги и демонстрации солидарности с испанским народом. Совместно демонстрировали профсоюзы, партийные организации коммунистов и социал-демократов. В демонстрации приняли участие 5 тысяч человек; в митингах участвовало 10 тыс. человек.

Профсоюзы организовали сбор в фонд помощи борющемуся испанскому народу. Центральный совет профсоюзов Швеции ассигновал 50 тысяч шведских крон в помощь испанским антифашистам.

Прибытие в Париж советской военной делегации

ПАРИЖ, 20 августа. (ТАСС). В Парижском районе начались маневры частей французской армии.

Для присутствия на маневрах вчера в Париж прибыла советская военная делегация в составе командарма 1-го ранга тов. Якира и комбрига тов. Рачинского.

На вокзале советская военная делегация была встречена представителями французского генерального штаба во главе с помощником начальника штаба генералом Жерода и работниками полпредства СССР во Франции во главе с поверенным в делах тов. Гиршфельдом.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ГЕНЕРАЛА ГАМЕЛЕНА ВО ФРАНЦИЮ

ПАРИЖ, 20 августа. (ТАСС). Начальник французского генерального штаба генерал Гамелен вчера возвратился в Париж из своей поездки в Польшу.

ВЫСОТНЫЙ ПОЛЕТ ФРАНЦУЗСКОГО ЛЕТЧИКА ЖОРЖА ДЕТРЭ

ПАРИЖ, 18 августа. (ТАСС). Летчик Жорж Детрэ на самолете фирмы «Потез» совершил высотный полет и достиг высоты в 14.836 метров.

РАСКРЫТИЕ ГЕРМАНСКОЙ ШПИОНСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ В ШВЕЙЦАРИИ

ВЕНА, 20 августа. (ТАСС). Австрийское телеграфное агентство сообщает о раскрытии в Швейцарии крупной германской шпионской организации. Шпионская организация работала под маркой одной германской торговой фирмы и систематически собирала через своих агентов сведения об организации французских войск.

Арестовано трое руководителей шпионской организации.

ПАРТИЗАНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В МАНЧЖУРИИ

ТОКИО, 20 августа. (ТАСС). Мукденский корреспондент агентства Домей Цусин сообщает, что город Фусун (в северо-восточной части провинции Аньдун, Манчжурия) находится под угрозой окружения отрядом в 2 тыс. партизан. В связи с этим в Фусун направлены 2 японских военных самолета из Чанчуня, а также отряд под командованием Фусео из Сыпингая.

Наступление отряда партизан на Фусун, пишет корреспондент агентства Домей Цусин, началось 17 августа. В этот день близ города произошло сражение между японо-манчжурским отрядом и 150 партизанами. В этом сражении убит 1 японский солдат и несколько солдат ранено. 18 августа японский бомбардировщик дважды сбрасывал бомбы над позициями партизанского отряда, однако не нанес существенных поражений.

ТОКИО, 19 августа. (ТАСС). Гиринский корреспондент агентства Домей Цусин сообщает, что в бою с большим отрядом партизан 15 августа близ Цюлигоу по железной дороге Чанчунь—Тумынь японский отряд под командованием Исигура потерял трех японских солдат убитыми и одного тяжело раненным.

ПОКУШЕНИЕ НА КНЯЗЯ ДЭ-ВАНА

ШАНХАЙ, 19 августа. (ТАСС). Корреспондент японской газеты «Шанхай Майници» сообщает из Байлинмяо о покушении, произведенном на князя Дэ-Вана монгольским юношей.

Покушение не удалось. Покушавшийся скрылся.

ПРИГОВОР ПО ДЕЛУ О ПОКУШЕНИИ НА УГАКИ

ТОКИО, 19 августа. (ТАСС). В связи со снятием цензурного запрещения сеульский корреспондент газеты «Асахи» сообщает, что 26 мая этого года сеульский суд (Корея) приговорил 6 корейцев к тюремному заключению сроком от 2 до 10 лет по обвинению в «подготовке покушения на жизнь Угаки (командующий японскими войсками в Корее) в ноябре и декабре 1935 г.».

Корреспондент указывает, что главный обвиняемый Антокусо, у которого при аресте найдены взрывчатые вещества, приговорен к 10 годам. Как выяснилось по ходу судебного процесса, пишет далее корреспондент, главной причиной покушения на Угаки была «ненависть обвиняемых к привилегированному положению японцев в Корее».

ПРАЗДНОВАНИЕ 19-й ГОДОВЩИНЫ НЕЗАВИСИМОСТИ АФГАНИСТАНА

КАБУЛ, 19 августа. (ТАСС). 14 августа в Кабуле в связи с 19-й годовщиной независимости Афганистана состоялись большие празднества.

15 августа с 5 до 6 часов пополудни король Афганистана принимал парад физкультурников.

На параде присутствовал в полном составе дипломатический корпус. Парад показал крупные успехи физкультурного движения в Афганистане за последние несколько лет.

Иностранная хроника

❋ В Дармштадте (Германия) обанкротился крупный банк «Унион банк».

❋ В Эрлангене (Германия) с 2 по 4 сентября состоится с'езд заграничных организаций германской фашистской партии.

❋ В китайском городе Цзянцзане (провинция Цзянцу) началась забастовка рикш-кули. Бастующие протестуют против введения нового налога на коляски.

Месяц борьбы испанского народа

(По телеграфу от специального корреспондента «Правды»)

МАДРИД, 20 августа. Исполнился месяц с начала военно-фашистского мятежа против Испанской республики. Месяц упорной, изнурительной, кровопролитной борьбы испанского народа против об'единенных сил реакционной монархической военщины и иностранных интервентов. Борьба *только в самом разгаре и будет стоить еще* многих и многих жертв.

Фашисты подготовили свой поход на республику задолго. Они тщательно предусмотрели все стратегические и технические детали, вплоть до фортификационных работ на местах будущих боев. Монархическое офицерство вместе с фашистами из государственного аппарата хладнокровно и в *подробностях разрабатывало план окружения* и удушения Мадрида и Барселоны. Правительство и народные массы были застигнуты врасплох.

Сейчас гражданская война вступает в новый фазис. Начинают формироваться фронты. До сих пор военные действия были разорваны на отдельные куски, отдельные очаги. В ряде районов воюющие стороны располагались даже концентрическими кругами — например, в провинции Кордова, где республиканская провинция осаждает самый город Кордову, а внутри города, в свою очередь, рабочие кварталы, верные правительству, осаждаются мятежниками. Таково, по проверенным местным данным, положение в Астурии, на Балеарских островах, в Толедо и в других местах.

Теперь происходит слияние отдельных пятен в сплошные массивы, занятые либо сторонниками правительства, либо мятежниками. В этом отношении взятие Бадахоса следует считать весьма серьезным успехом мятежников. Бадахос становится для мятежников не только воротами в дружественную им фашистскую Португалию, но и связующим звеном их северных и южных сил. Если провинция Эстремадура будет занята, территории мятежников сольются и будут охватывать столицу с севера, запада и юго-запада.

Генерал Мола решил немедленно воспользоваться взятием Бадахоса и направил внушительную группу войск по линии Мерида — *Толедо, которая топографически* (имеются проходы между горами) является удобным путем на Мадрид.

Эта группа войск была остановлена севернее Мериды успешными действиями бомбардировочной и штурмовой авиации правительства. Мятежники потеряли много людей и машин. Однако надо ожидать возобновления наступления группы войск Мола. Таким образом, к юго-западу от Мадрида создался новый боевой участок, значительно более серьезный, чем участок у Гвадаррамы, который хотя и ближе, но хорошо защищен и горами, и войсками. Сейчас правительство уделяет большое внимание юго-западному участку.

Успехам мятежников помог недостаток оперативного единства в действиях правительственных сил. До недавнего времени каждая провинция воевала своими собственными средствами, сама снабжалась, сама собой руководила. Переброски войск почти не делалось. Теперь Мадрид об'единяет все в своих руках. Месяц борьбы стоил много, но он многому научил. Выкристаллизовалось командование, появил*ся план и порядок*. Беспрерывная чистка государственного аппарата освобождает его от многих тысяч саботажников-вредителей, скрытых фашистов. Выдвигаются новые кадры защитников демократической республики из народных низов. Они работают в министерствах, в военных учреждениях, борются с такими бюрократическими порядками времен Бурбонов, которые могли бы поспорить с российскими порядками времен Романовых.

В политических и парламентских кругах сейчас больше ясности в оценке характера борьбы за республику и перспектив этой борьбы. Если ранее в Мадриде существовало некоторое течение за компромисс с мятежниками, то теперь об этом думают только единицы. Дело зашло слишком далеко. Кровавое изуверство фашистской военщины и ответная ярость масс растут с каждым днем. Это борьба не на жизнь, а на смерть. В Бадахосе мятежники собрали на арене цирка полторы тысячи республиканцев—рабочих, интеллигентов, женщин—и в 15 минут скосили их из пулеметов. Это повторяется повсюду. После таких вещей не говорят о компромиссах.

Что более всего тревожит правительственные круги и широкие массы—это неясность международного положения. Пока идет дипломатическая переписка о нейтралитете, фашистские государства открыто помогают мятежникам. Эти государства атакуют законное испанское правительство всеми способами в его собственной столице. Посольство одной центральной европейской державы (нетрудно догадаться—какой), собрав пачку жалоб и претензий, провоцировало весь дипломатический корпус покинуть Мадрид. Уладить все это стоило немалого труда. Впрочем, и без этого большинство иностранных миссий в Мадриде представлено сейчас второстепенными чиновниками: послы и посланники срочно вспомнили об отпусках...

При всех затруднениях и опасностях, положение правительства и республиканских антифашистских сил, вокруг него об'единенных, достаточно прочное.

Пусть с промедлением, но кровавый мятеж будет подавлен. У монархического офицерья нет почвы под ногами. Оно держит*ся только гарнизонами*, кадровыми частями и небольшими фашистскими «фалангами». Население всюду против них, разве кроме темной, религиозной Наваррской провинции.

Королевское знамя Бурбонов не удержится на испанской земле. Его время прошло. Храбрый и честный трудовой народ Испании держит в руках другие знамена.

МИХАИЛ КОЛЬЦОВ.

Как германская охранка орудует в Испании

ТРЕТЬЯ СЕРИЯ РАЗОБЛАЧИТЕЛЬНЫХ ДОКУМЕНТОВ

(По телефону от лондонского корреспондента «Правды»)

ЛОНДОН, 20 августа. Сегодня «Ньюс кроникл» и «Манчестер гардиен» публикуют третью серию документов о деятельности секретной германской фашистской агентуры в Испании.

Суммируя содержание некоторых документов, корреспондент «Ньюс кроникл» пишет, что они

«дают представление о масштабах военного шпионажа, которым занимались германские фашисты в Испании, и о тесных связях, существовавших между ними и главарями нынешнего мятежа. В германском обзоре политического по*ложения, создавшегося в этом году* в Испании, указывается: «Сильная и растущая правая тенденция должна в ближайшие месяцы положить конец нынешним нетерпимым и невозможным условиям».

Таким образом, германская фашистская агентура в Испании была прекрасно информирована о предстоящем мятеже и работала над его подготовкой. Именно в этой связи приобретают исключительный интерес документы, приводимые «Манчестер гардиен», о взаимоотношениях между официальными германскими дипломатическими учреждениями в Испании и секретной фашистской агентурой. Документы эти подтверждают, что германские дипломатические учреждения в Испании были лишь ширмой, которой прикрывалась деятельность фашистской агентуры, направленная против испанского государства. Фактически главой германских правительственных учреждений в Испании был не официальный посол, а «ландеслейтер» (руководитель германской фашистской штаб-квартиры в данной стране). Об этом свидетельствуют следующие материалы, приводимые «Манчестер гардиен»:

«В письме от 17 января 1935 года, адресованном штаб-квартирой германской фашистской организации в Испании («ландеслейтунг») германскому консулу в Сан-Себастьяне, указывается, что «ландеслейтер» (т. е. Геллерман) «имеет право санкционировать или не признавать назначение или смещение тех или иных лиц на посты консулов». Письмо предлагает далее консулу представлять в «ландеслейтунг» копии всей переписки «в целях координирования работы». Вся деятельность германских дипломатов строго контролировалась не только фашистскими агентами в стране, где эти дипломаты были аккредитованы, но также центральным бюро «заграничной организации» фашистской партии в Берлине («рейхслейтунг дер аусландорганизацион»). Власть этого бюро была определена особым соглашением, заключенным между руководством фашистской партии и германским министерством иностранных дел 7 февраля 1934 года.

Среди документов,—продолжает корреспондент «Манчестер гардиен»,—находится письмо от 30 мая 1934 года, излагающее вышеуказанное соглашение. Письмо это адресовано германскому консулу в Гренаде и информирует его, что он «делегирован в испанскую «ландесгруппе» и подчинен ей».

О том, какой дипломатической деятельностью были заняты германские консулы в Испании, рассказывает дальше «Манчестер гардиен». Газета пишет:

«Германские дипломаты и консульские чиновники время от времени получали приказания от руководства «ландесгруппе», приказания, которые, как показывают многие документы, несовместимы с законами страны, где эти лица были аккредитованы. Многие документы относятся к участию консулов в контрабандном ввозе фашистской про*пагандистской литературы*. Вот, например, письмо, датированное 28 декабря 1935 года, помеченное «строго доверительно» и подписанное германским консулом в Картахене. Письмо гласит: «Пакеты с пропагандистским материалом не слишком большие могут быть получаемы здесь без затруднений, если их передавать инспектору Д. Г. Нептун, *г-ну С., Бремен, Фрейхафен*, I, Нептун Варенхаус». В таком же письме, также помеченном «строго секретно», германский консул в Малаге (имя указано) пишет, что он говорил с сыном управляющего одной пароходной компании (следует имя), и последний заявил, что «с каждым пароходом могут быть доставлены на берег один или два не*больших пакета, если они будут пере*даны в Гамбурге в контору доков».

В письме от 5 января 1935 года глава отдела фашистской агентуры в Тетуане сообщает, что «необходимо прислать в качестве консула человека, состоящего в национал-социалистской партии», так как предстоит большая работа. Это письмо содержит указания, что весь германский консульский состав в Испанском Марокко был поставлен под контроль и руководство фашистской агентуры и что особые усилия были приложены к тому, чтобы распространить этот контроль и на Французское Марокко».

Таким образом, выясняется, чем были заняты германские дипломаты в Испании. «Манчестер гардиен» к этому добавляет, что германские фашистские агентуры, прикрывающиеся дипломатической ширмой, занимаются той же преступной работой во всех странах.

И. ЕРУХИМОВИЧ.

О НАГРАЖДЕНИИ УЧАСТНИКОВ ЛЫЖНО-ПЕШЕГО ПЕРЕХОДА ОРЕХОВО — МОСКВА — КОМСОМОЛЬСК-на-АМУРЕ

Постановление Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР

Центральный Исполнительный Комитет Союза ССР постановляет: наградить орденами «Знак Почета» следующих участников лыжно-пешего перехода Орехово—Москва — Комсомольск-на-Амуре, установивших новый мировой и всесоюзный рекорд по дальности и скорости перехода:

1. Власова К. М. — командира перехода,
2. Абрамова В. В. — политрука перехода,
3. Астафьева Н. Н.,
4. Моисеева В. В.,
5. Сидорова В. Е.

Председатель Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР **М. КАЛИНИН.**

Секретарь Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР **И. АКУЛОВ.**

Москва, Кремль,
20 августа 1936 г.

УЧЕНИЯ ПО ПРОТИВОВОЗДУШНОЙ ОБОРОНЕ ЛЕНИНГРАДА ЗАКОНЧЕНЫ

ИНФОРМАЦИОННОЕ СООБЩЕНИЕ ШТАБА ПРОТИВОВОЗДУШНОЙ ОБОРОНЫ ЛЕНИНГРАДА

С утра 19 августа противовоздушные учения продолжались. В течение дня разведывательные самолеты «противника» пытались прорваться к Ленинграду, но были сбиты нашими истребителями и артиллерией, не достигнув города.

Около 15 часов разведка установила движение крупных сил авиации на Ленинград. После ряда воздушных боев, происшедших на подступах к Ленинграду, во время которых «противнику» были нанесены большие потери нашей истребительной авиацией, часть сил «противника» прорвалась к городу. Несколько его групп, одна за другой, прошли над Ленинградом, условно сбросив «бомбы».

Во время прохождения над городом самолеты «противника» были обстреляны нашей зенитной артиллерией и пулеметами.

В 19 часов 30 минут дан отбой воздушной тревоге, после которого по распоряжению руководства противовоздушные учения закончились.

Начальник противовоздушной обороны города комбриг **ТКАЧЕВ.**

Ленинград, 19 августа 1936 г.

ИНФОРМАЦИОННОЕ СООБЩЕНИЕ ШТАБА МЕСТНОЙ ПРОТИВОВОЗДУШНОЙ ОБОРОНЫ ЛЕНИНГРАДА

19 августа после боя с нашими частями большие группы самолетов «противника» прорвались к Ленинграду и сбросили (условно) «бомбы».

Поражения были нанесены в Московском районе на Международном проспекте от Обводного канала к югу и на части *прилегающих к нему улиц*, а также на ряде предприятий. В Выборгском районе поражения были нанесены на проспекте Карла Маркса и на части прилегающих к нему улиц, а также на ряде предприятий.

В Володарском районе поражен район улицы Ткачей, Московской и часть других улиц. Кроме того, небольшие поражения были нанесены в других частях города на *улицах и предприятиях*.

Поражения выразились в пожарах, разрушении зданий, ранениях. Кроме того, были разрушения городского хозяйства (водопровод, канализация и пр.).

Работа по ликвидации очагов поражений заводскими и участковыми командами протекала значительно интенсивней, чем в предыдущие дни.

Поверочно-тренировочные учения закончены 19 августа, и в 21 час 30 минут угрожаемое положение снято.

Начальники районов, руководители предприятий и учреждений, начальники участков и органы жилищного хозяйства должны тщательно изучить итоги поверочных учений и вскрытые учением недостатки устранить в дальнейшей работе.

Штаб местной противовоздушной обороны.

Ленинград, 19 августа 1936 г.

УСПЕХ ТБИЛИССКИХ ФУТБОЛИСТОВ

В играх на кубок СССР футбольные команды спортивных обществ «Спартак» (Москва) и «Динамо» (Тбилиси) встретились вчера второй раз. Первая их встреча, как известно, закончилась вничью (3 : 3).

Первую половину игры тбилисские динамовцы выиграли со счетом 2 : 1. В середине второго тайма они увеличили счет еще на один гол. Но за шесть минут до конца игры спартаковцы отквитали один мяч, а еще через несколько минут — второй.

Встреча снова закончилась ничейным счетом.

Однако в добавочное время динамовцы демонстрировали свое абсолютное преимущество. За 30 минут они вбили в ворота «Спартака» три мяча и этим завоевали право на участие в полуфинале розыгрыша кубка СССР.

ПРОИСШЕСТВИЯ

Фальшивомонетчики. Преступники Розанов П. Д. и Горлов И. С. действовали сообща. Первый печатал фальшивые червонцы, изготовлял различные штампы, печати, второй их сбывал. При помощи липовых справок авантюрист Горлов (он же Столяров, Ливертовский и т. д.) устраивался на работу. Поступив на Московский спиртозавод счетоводом-кассиром, Горлов в один день похитил из кассы 6.000 рублей. Потом он «перекочевал» на 1-ю мебельную фабрику, где по сфабрикованным расчетным листкам получил свыше 700 рублей.

У задержанных фальшивомонетчиков работники уголовного розыска обнаружили различные клише денежных знаков и штампов.

Мастера пограничного секрета

(От специального корреспондента «Правды»)

Что такое секрет на границе? Некоторые пограничники называют это самопроверкой, и в этом есть немалая доля истины. В секрете каждый пограничник проверяет себя до мельчайших подробностей. Он узнает крепость своих нервов, остроту зрения, чуткость слуха. Нужно уметь лежать иногда часами неподвижно. Лежать так, чтобы в безветренную погоду болотная дичь или лесной зверь в десяти шагах не почуяли человека. Нужно обладать хорошим здоровьем. С насморком, кашлем, с простуженным горлом в секрет не пошлешь!

В лесу, где малейший шорох отдается тысячью звуков, нужно уметь быстро, по слуху определить место шороха. Нужно слушать, смотреть и... молчать. Молчать до тех пор, пока наступит время действовать. А это время нужно самому установить — спросить не у кого и некогда.

Лежать в секрете — большое мастерство. Итти в секрет — значит итти на «зверя», проникнув в те места, где он вероятнее всего пройдет.

На сей раз на это дело пошли два пограничника. Старший по секрету Дмитрий Виноградов, комсомолец из колхоза «Об'единение», Ивановской области, и его напарник беспартийный Константин Глущенков из колхоза «Красный гигант», Воронежской области.

Задача ясна. Из советского тыла к границе движется вооруженный враг. В одном месте колхозница, собиравшая ягоды, его спугнула. Это было вдали от границы. Пока колхозница сообщила, враг скрылся. Но он где-то здесь, далеко уйти не мог.

Виноградов встал за одиночным дубом. Глущенков примостился в пяти шагах за пнем. Между бойцами проходит еле заметная тропа. Граница отсюда — в 30 метрах.

Проходит час, другой, третий. Померкли звезды. Скоро наступит рассвет. Бойцы не шевелятся.

Вдруг где-то впереди в тылу что-то промелькнуло и исчезло. Бойцы напрягли слух и зрение. Заметили — по тропинке двигался человек. Он продвигался согнувшись, держа в левой руке сапоги. По нескольку раз щупал босой ногой землю прежде, чем ступить на нее всей ступней: малейший треск или шорох могут выдать.

Виноградов прижался к дубу, точно прирос к нему. По другую сторону дуба неизбежно пройдет тот, кто кошачьим шагом крадется к границе. Вот уж он ясно виден. В левой руке — сапоги, в правой — револьвер. До дуба осталось пять шагов, четыре, три. Подошел.

Виноградов мгновенно левой рукой—за воротник, потянул к себе и прижал к дереву. Правой рукой приставил наган ко лбу.

Неизвестный на миг опешил, а затем рванулся. Треснул воротник его кожаной тужурки. В это время Глущенков вырвал у врага револьвер.

Затем пограничники повели его на заставу.

Здесь его тщательно обыскали и нашли то, за что одно из капиталистических государств дорого заплатило бы своему вымуштрованному агенту.

Обоих пограничников премировали. Виноградов уехал в отпуск в свой родной колхоз, Глущенков, имеющий пять поощрений за охрану границы, от отпуска отказался:

— Я не устал, товарищ начальник!

Ф. ВИГДОРОВИЧ.

Западная граница БССР.

НОВЫЙ ПАРК В ВОРОШИЛОВГРАДЕ

ВОРОШИЛОВГРАД, 20 августа. (Корр. «Правды»). Вчера ворошиловградцы отпраздновали открытие нового парка культуры и отдыха. Парк создан в течение нескольких месяцев на бывшем пустыре. Выжженную солнцем траву сменили цвет*ники, газоны*. Высажено до миллиона цветов; аллеи парка, проходящие в густой зелени, асфальтированы, украшены колоннами, бассейнами, фонтанами, скульптурами. Площадь в 30 гектаров застроена прекрасно оформленными сооружениями. Здесь имеется культбаза, купальни, эстрада, спортивный городок, душ, парашютная вышка в 57 метров высоты, танцовальная площадка. Город получил прекрасное место отдыха.

«Враги народа пойманы с поличным»

Партийное издательство ЦК ВКП(б) выпустило в свет небольшую книжку под названием: «Враги народа пойманы с поличным. К процессу над участниками об'единенного центра троцкистско-зиновьевского блока».

В книжке собраны печатавшиеся в последнее время в «Правде» статьи по вопросам большевистской бдительности, двурушничества, статьи, посвященные процессу над троцкистско-зиновьевской бандой.

Вторую часть книги составляют отклики рабочих на сообщение Прокуратуры СССР.

Группа артистов Государственного грузинского театра им. Руставели. На снимке (слева направо): **А. Васадзе** — народный артист Грузии, орденоносец, художественный руководитель театра; **Д. Алексидзе** — режиссер театра; **Г. Гугунава** — заместитель директора театра; **Д. Мжавия** — заслуженный артист Грузии; **Е. Горделадзе** — *начальник управления по делам искусств при Совнаркоме Грузии и директор театра*; **М. Геловани** — артист театра; **А. Хорава** — народный артист Грузии, орденоносец; **Г. Давиташвили** — народный артист Грузии.

Фото В. Вдовенко.

Театр им. Руставели в Москве

Вчера в помещении театра им. Вахтангова начались гастроли прибывшего на днях в Москву Государственного драматического театра имени Руставели. К началу спектакля сотни москвичей заполнили зал. С короткой вступительной речью выступил народный артист республики орденоносец А. Васадзе.

— Гастроли,—говорит он,—имеют целью продемонстрировать наше искусство перед великим русским народом. Спектакли, которые мы покажем московскому зрителю, для нас большая творческая проверка.

Кончая свою речь, тов. Васадзе восклицает:

— Да здравствует великий зодчий счастья — товарищ Сталин!

Театр встретил эти слова долгими, горячими овациями.

В зале гасится свет. Раздвигается занавес. На сцене возникают горы Грузии, далекое синее небо. В игре талантливых артистов оживает жизнь Арсена Одзелашвили, одного из любимых героев грузинского народа. Зритель *тепло* встречает пьесу «Арсен», принадлежащую перу Сандро Шаншиашвили.

Кроме «Арсена», в следующих спектаклях руставелевцы покажут пьесу «Осенние дворяне» и «Анзор».

Реконструкция улицы Горького

С улицы сняли трамвайные пути. 34 тыс. квадратных метров асфальта залили поверхность центральной магистрали столицы. Образовался ровный, прямой, как стрела, путь, достигающий 38 метров ширины. Автобусы, троллейбусы, тысячи автомобилей мчатся теперь двумя мощными быстрыми потоками.

Снесены Триумфальные ворота, преграждавшие движение. Вслед за ними также будут снесены расположенные рядом, давно ставшие ненужными, старые кордегардии (помещение для военного караула), когда-то охранявшие в'езд в Москву.

Чтобы расширить дорогу транспорту, пришлось несколько сузить тротуары. Но пешеходы не останутся в обиде. Строится новая линия метро, которая перевезет значительную часть людей, передвигающихся сейчас по улице Горького пешком. Кроме того, расширяющееся автобусное и троллейбусное движение тоже уменьшит число пешеходов.

Возникла новая светлая магистраль, глядя на которую представляешь себе будущий облик столицы, перестраивающейся по сталинскому плану. Улицей Горького любуются сейчас тысячи москвичей. Но они не знают об огромном труде, который заключен под асфальтом мостовой. Хозяева дореволюционной Москвы не устраивали водостоков. После дождя стояли долго непросыхающие грязевые лужи.

Сейчас под улицей Горького проложена мощная водосточная магистраль. Она примет ливневые воды, в нее будет смываться грязь и пыль, накопившиеся за день.

По обеим сторонам улицы возникают новые многоэтажные здания. Жители их нуждаются в значительном количестве воды и газа. Поэтому под мостовой проложена мощная 12-дюймовая водопроводная магистраль, сменившая старую 6-дюймовую, и прекрасный газопровод.

Под землей наведен такой же прекрасный порядок, как и на поверхности.

В Совнаркоме РСФСР

Для удовлетворения растущей потребности населения городов в культурно-бытовых перевозках Совнарком РСФСР признал необходимым организовать обслуживание населения таксомоторными грузовыми перевозками. Для городов Иваново, Тула, Горький, Смоленск, Казань, Сталинград, Ростов-на-Дону, Челябинск, Свердловск, Алма-Ата, Новосибирск и Хабаровск выделено 110 грузовых автомашин. Поручено Наркомхозу РСФСР в декадный срок разработать инструкцию о тарифах и порядке обслуживания населения таксомоторными автоперевозками.

Совнарком РСФСР обязал Московский и Ленинградский горсоветы организовать в текущем году автогрузовой таксомоторный транспорт в Москве и Ленинграде. (ТАСС).

Турнир в Ноттингэме

ДЕВЯТЫЙ ТУР

НОТТИНГЭМ, 20 августа. (Спец. корр. «Правды»). Центральные партии дня проходили под знаком упорной ожесточенной борьбы. Ни одна из этих партий к перерыву не была закончена.

Ботвинник против Ласкера избрал защиту Грюнфельда. В середине партии Ботвинник, играя на обострение, предпринял пешечную атаку на королевском фланге. К перерыву создалось равное положение с обоюдными шансами.

С большой остротой проходила встреча Алехина с Эйве. Эйве своеобразно разыграл французскую партию, но уже в дебютной стадии проиграл пешку. В дальнейшем он ценой ослабления королевского фланга пешку отыграл. К перерыву в эндшпиле с тяжелыми фигурами у Алехина значительно лучшее положение.

В прерванной партии Капабланка — Ржешевский небольшое преимущество имеет Капабланка. В партии Флор—Видмар к перерыву равный ладейный эндшпиль.

Остальные партии закончились до перерыва.

Боголюбов в 24 хода выиграл у Александера, Тартаковер на 30-м ходу—у Винтера, Тайлор с Томасом на 29-м ходу согласились на ничью.

После перерыва на 44-м ходу партия Ласкер — Ботвинник закончилась вничью. Флор выиграл у Видмара, допустившего ошибку в эндшпиле. Партия Алехин — Эйве отложена с тяжелым положением для Эйве (у Алехина две лишние пешки), партия Ржешевский — Капабланка также отложена в лучшем положении для Капабланки.

Флор выиграл у Томаса отложенную партию из 7 тура.

* * *

Сегодня в 10-м туре играют: Эйве—Флор, Файн—Боголюбов, Видмар—Капабланка, Ржешевский—Тайлор, Томас—Ласкер, Винтер—Алехин, Александер—Тартаковер. Свободен Ботвинник.

ВЫПУСК АВТОМАШИН ЗА 19 АВГУСТА

	План в штуках	Выпущено	% плана
Автомашин грузовых (ЗИС) — директор тов. Лихачев	194	145	74,7
Автомашин грузовых (ГАЗ)—врид директора тов. Дыбец	352	295	83,8
Автомашин легковых «М-1» (ГАЗ)	50	6	12,0

МЕТАЛЛ ЗА 18 АВГУСТА

(в тысячах тонн)

	План.	Выпуск.	% плана.
ЧУГУН	41,3	37,9	91,9
СТАЛЬ	46,2	42,6	92,2
ПРОКАТ	36,0	27,0	75,1

УГОЛЬ ЗА 18 АВГУСТА

(в тысячах тонн)

	План.	Добыто.	% плана.
ПО СОЮЗУ	342,4	302,0	88,2
ПО ДОНБАССУ	218,4	199,4	91,3

РАБОТА ЖЕЛЕЗНЫХ ДОРОГ

19 августа

ДОРОГИ.	Начальники дорог.	Процент выполнения плана погрузки.	Процент выполнения плана разгрузки.	Процент обеспечения вагонами.
Казанская	Базеев	104	92	96
Калининская	Торопчанов	108	112	107
Томская	Ваньян	110	110	91
Омская	Фуфрянский	117	95	85
Белорусская	Владимирский	102	96	101
Ленинская	Кучмин	101	93	103
Западная	Русанов	107	85	132
Одесская	Суслов	104	84	103
Кировская	Ледник	102	105	100
Красноярская	Мирский	156	140	100
Юго-Западная	Зорин	105	101	114
Амурская	Рутенбург	143	130	141
Донецкая	Левченко	90	78	90
Горьковская	Бадышев	103	97	117
Сталинская	Трестер	93	87	97
Им. Молотова	Друскис	180	175	158
Закавказская	Розенцвейг	100	100	124
Ашхабадская	Еремеев	110	120	140
Им. Кагановича	Шахгильдян	95	100	108
Северокавказск.	Маевский	99	83	110
Восточносибир.	Крохмаль	95	113	130
Им. Дзержинск.	Амосов	109	98	139
Юго-Восточная	Арнольдов	100	99	121
Им. Ворошилова	Дашко	90	92	95
Южно-Уральск.	Князев	96	94	106
Сталинградская	Градис	85	83	100
Северная	Федан	93	92	106
Октябрьская	Синев	92	97	109
Ряз.-Уральская	Кантарадзе	89	95	106
Ташкентская	Прокофьев	97	75	149
Ярославская	Винокуров	89	101	131
Турксиб	Михайленко	169	88	142
Им. Куйбышева	Копылкин	75	83	141
Оренбургская	Подшивалин	147	121	150
Дальневосточн.	Ламберг	99	89	150
Окружная	Фалеев	82	107	144
М.-Киевская	Жуков	96	93	135
Южная	Шушков	90	75	123
Москва—Донб.	Емшанов	112	122	179

Погружено всего: 86.273 ваг. 99,2 проц.
Разгружено » 87.302 » 95,9 »

АДРЕС РЕДАКЦИИ и ИЗД-ВА: Москва, 40, Ленинградское шоссе, улица «Правды», д. 24. ТЕЛЕФОНЫ ОТДЕЛОВ РЕДАКЦИИ: Справочное бюро — Д 3-15-68; Партийный — Д 3-10-86; Сов. строит. и Кр. Армии — Д 3-10-84; Сельхозотд. — Д 3-10-88; Промышленность и транспорт — Д 3-11-04; Торгово-финансовый — Д 3-10-84; Иностранный — Д 3-11-09; Информация — Д 3-15-80; Письма рабоч. и колхоз. — Д 3-10-80; Обзоры печати — Д 3-30-72; Школа, наука и быт — Д 3-10-65; Искусства — Д 3-11-06; Местная сеть — Д 3-15-47; Фельетоны — Д 3-33-68; Критика и библиогр. — Д 3-11-07; Иллюстрационный — Д 3-33-85; Секретариат редакции — Д 3-15-64; Корреспондент. бюро — Д 3-15-69; Отдел об'явлений — Д 3-30-12. О недоставке газеты в срок сообщать по телефонам Д 3-36-61 или Д 3-32-44.

Уполномоченный Главлита № В—46367. Типография газеты «Правда» имени Сталина. Изд. № 718.